

Валентин Рудский

Воспоминания.

Автобиография

Я родился в 1926 году 2 августа в селе Парабели и в васюганских краях я прожил более 40 лет и конечно в том числе и те годы, на которые пришлось и трагическое переселение «кулаков» в 30-х годах и не менее трагическая ссылка части прибалтийских и других народов в 40-50 годах прошлого века. И по местным жителям таёжных малых и крупных сёл и посёлков прошёл на моих глазах вал репрессий 1937 года, в котором сгинули и мой отец и близкие мои родственники. Друзьями моих детских игр были участники, а потом и дети этих участников, друзьями юности, соклассниками, сокурсниками, а потом и коллегами и соратниками по работе и увлечениям.

Совсем раннее детство. Парабель. Я родился. Я узнаю, что я есть. Я могу думать, но никто этого не знает.

Радостное детство. Средний Васюган. Я ищу себя. Жизнь на метеостанции.

Эвенки и их олени. Эвенк Федор. Буря и няня Катя. Брат Сережа учит меня есть сырое мясо. Лесные белки Схватка медведя с охотниками.

Я иду в школу. Школьная сумка. Альбом для рисования и цветные карандаши.

Трудное детство. Новый Васюган, Комендант Никитин и врач Коган. Поиски отца: Каргасок, Нарым-Камчатка, Басмасово. Птичья коллекция. Арифметика и педагогика. Деление трехзначных чисел. Сам себе учитель.

Жестокое детство. Арест отца. Враги народа. Отец в тюрьме. Побег из дома. Я нахожу десять рублей. Пирожное «Наполеон». Бабушка. Альбом для рисования и дядя Валя. Братья Александр и Виктор, и сестра Галя.

Школа. Я снова в школе. Я работаю учителем. Я и мои первоклассники.

Война и армия. Игра в волейбол. Война и брусника. Колба. Брат Федя. 1943 год. Прощание. Запасной полк. Парашют. Война. Заграница.

Домой, дома. «Пятьсот-весёлый». Обоз через всю область. Последний поход

Работа, увлечения. Учитель вместо архитектора. География и биология. Школьный музей. Кружок. Экология. Фенология на всю жизнь. В театре Погорелова и в кукольном театре. Станция юных техников (СЮТ).

1. *Совсем раннее детство. Парабел. Я родился. Семейная легенда. Я узнаю, что я есть. Я могу думать, но никто этого не знает.*

Себя я начал помнить очень рано. Это потом удалось установить, что то о чем я сейчас расскажу произошло, когда мне было три года и может быть на один месяц больше.

Значит случилось это в 1929 году. Я расскажу о том что со мной произошло так как я запомнил сам, ничего не прибавляя и не преуменьшая из того, что могли потом добавить взрослые родственники, соседи, знакомые. Это произошло в Парабел, я узнал об этом уже став взрослым. Узнал о том, что именно в Парабел

Так вот, я помню высокое крыльцо, с которого мы спустились в огород. Мы - это я и две или три девчонки, старше меня по возрасту и потому видимо организаторы «этого страшного проступка», о котором пойдет речь. Так вот именно в тот момент, когда мы между грядками подобрались тайком к грядкам с горохом, и готовились полакомиться этим сладким «фруктом» как нас тут и «застукали» взрослые и оттуда с этого высокого крыльца вдруг и раздалось это ужасное, леденящее душу: «А что это вы там такое делаете!» Но запомнилось мне не этот громкий окрик с крыльца, я бы тогда запомнил кто это сказал: мама или кто-то другой с женским голосом. А запомнилось мне что я подумал тогда, пригнувшись от страха за горохом. А подумал я так: «Пусть девчонки убегают – а они убежали предательски оставив меня в огороде – а я останусь здесь, меня ведь за горохом не видно!» и я успокоившись остался, присев за грядкой высокого гороха.

Когда мне говорили, что это запомнил я из рассказов взрослых, наблюдавших эту сцену, что не мог я запомнить это в таком младенческом возрасте, тогда я возражаю им в том смысле, что они не могли знать, о чем я думал, спрятавшись за горохом. А мне запомнилось именно то, что я *думал* в тот момент и почему я не убежал и даже не сделал попытку убежать.

А надо сказать, что шалости с горохом и вообще со всеми растениями на участке мы не допускали с самого раннего детства. Так мы были воспитаны. Наш отец, будучи метеорологом, возможно начальником метеорологической станции в Парабел, а потом возможно и в Среднем Васюгане, внушил нам, своим сыновьям, бережное отношение к приборам, на метеорологической площадке, ко всему имуществу на самой территории станции, где по условиям нужно было соблюдать особые правила нахождения на станции, ходить нужно было только по тропинкам, а не как попало, где угодно и как угодно, пусть всё вокруг остается нетронутым и не затоптанным как будто здесь нет людей и все остается в диком виде. Вся территория станции обносилась крепким забором, чтобы туда не попадал, не дай бог, бродячий скот, а огород, о котором шла речь был сортоиспытательным участком, где

на небольших делянках выращивались самые разнообразные сорта испытуемых растений. На каждой делянке стояла табличка с названием растения. И естественно этот «огород» был для нас «табу», запретным, там нельзя было не только что-нибудь взять, но даже заходить туда строго-настрого запрещалось. В другом месте на территории станции были огороды сотрудников. У меня была даже своя грядка, где я мог посадить всё, что захотел бы. И я сажал на своей грядке горох и бобы, скорей всего по совету кого-то из родителей. Хорошо помню, что тогда «задумал» вырастить «небывалый» урожай на своей грядке и каждый день поливал, пропалывал и рыхлил землю. Но видимо переусердствовал с поливом и мои подопечные упорно не хотели перегонять в росте подобные растения на других грядках. И тогда мама высказала предположение о причинах отставания и помню свое удручение по этому поводу: «хотел как лучше», но получилось плохо. Но это было позже уже в Среднем Васюгане, где я был уже достаточно взрослым, чтобы принимать самостоятельные решения. А вот почему меня потянуло к сортовым делянкам Парабели, этого я не помню. Скорей всего под влиянием взрослых девчонок.

Но дело не в этом, я ведь хотел рассказать, когда я стал сам себя помнить, чтобы от этого времени повести разговор о себе и своей семье.

А в Парабели, то есть когда мне было немногим больше трёх лет, запомнил еще свою нелюбовь к церкви. Я не хотел идти в церковь, во время праздников, я сопротивлялся, плакал, выдергивал руку, когда меня тетя насильно тащила на богослужение. Я боялся церкви, мне страшно было туда заходить. Не знаю откуда появилась во мне вот эта неприязнь и к самому зданию церкви и к творившимся там действиям, но это чувство бытует во мне до сих пор. Не могу сказать наверняка, что это зародилось во мне в трехлетнем возрасте и тогда же я и запомнил эту нелюбовь к церкви или это чувство сложилось из рассказов обо мне взрослых, которые я услышал в то время или немного позднее и запомнил это. И это мое поведение было мягко говоря очень непонятным и странным, если учесть, что вся моя семья была не просто религиозной, но все мужчины, в основном мои дяди, братья моей мамы, их было шестеро, от самых далеких дедов и прадедов были служителями церкви, священниками, псаломщиками, дьячками, а все женщины, мои тёти окончили Томское Епархиальное училище и стали учителями церковно-приходских школ. В том числе и моя мама. Она окончила Томское Епархиальное училище в 1914 году и работала учительницей в церковно-приходских и других сельских школах Парабели, Басмасово и других деревень по крайней мере до 1921 года, до дня своего замужества. После чего она уже никогда не работала в школе. В 1929-м году после рождения моего младшего брата мы всей семьей переехали в село Средний Васюган, куда отца направили работать на тамошнюю метеостанцию, возможно её начальником или просто наблюдателем. А семья наша была тогда такая: родители наши и нас трое их сыновей и четвертый

мамин племянник Сергей, а наш двоюродный брат. Ему было тогда лет 15 – 16.

Его отец Большанин Василий Васильевич, псаломщик Спасской церкви в Парабели, отец пятерых детей во время коллективизации был репрессирован и за отказ вступить в колхоз осужден и в 1929 году расстрелян. В это время церковь уже была закрыта, богослужения в ней не совершались и дядя Вася уже не имел постоянного заработка и чтобы прокормить семью перебивался случайной работой. Жена его в это время умерла, с детьми осталась их бабушка, мать Василия Васильевича. После его ареста семью выселили из церковной квартиры. Мои родители в это время собирались уезжать в Средний Васюган и взяли с собой старшего сына дяди Васи, своего племянника Сергея, самую младшую дочь взяла родственница на воспитание, а бабушка с тремя остальными своими внуками уехала в город Колпашево к своей младшей дочери Александре, моей тёте Шуре.

Сережа прожил с нами в Среднем Васюгане до 1935 года. Отец научил его проводить метеорологические наблюдения и после нашего отъезда он остался в Среднем Васюгане и работал долгие годы наблюдателем на метеостанции, а потом и ее начальником.

2. Радостное детство.

После памятного случая с горохом наступил долгий перерыв в моей памяти, во время которого у нас родился еще один мой брат и мы успели переехать в далекий от Парабели Средний Васюган, как совершился переезд я не помню, а вот пребывание в Среднем Васюгане мне кажется я уже запомнил с первого дня, помню старика Мраморнова с большой белой бородой в пёстрой коричневого цвета жилетке, с часами на серебряной цепи, его-то и сменил отец на должности начальника метеостанции, помню его сына Мавришку, с которым у нас взаимоотношения не сложились, да они и уехали на второй день после нашего приезда. Эти первые дни помню как будто они случились вчера, помню и всё, что случалось вокруг меня в эти дни, помню и себя и всю свою жизнь вплоть до сегодняшнего дня. С первых минут я как ошалелый бегал по дому, вокруг него, по двору, заглянул в конюшню, в амбар, в баню, даже в погреб. Мне всё страшно нравилось. Я не мог успокоиться и остановиться. Успел даже познакомиться и подружиться с Полканом, старым одряхлевшим сеттером, лохматым с длинной шерстью коричневого цвета и большими во всю голову красивыми ушами. У него были умные всё понимающие глаза, он как бы извинялся, что не может побегать со мной по ограде. Отец с ведрами пошел за водой по крутой тропинке вниз под гору и я с ним. И здесь мне понравилось озерко с плавающими на воде круглыми темно-зелеными листьями и желтыми и белыми цветами.

Эти годы нашей жизни в Среднем Васюгане я считаю самыми счастливыми в своей жизни. Это были годы безмятежной детской радости и семейного счастья.

Во-первых сама природы располагала к ощущению радости и счастья. Небольшая деревня разместилась на высоком берегу красивой реки Васюган. Откуда бы не подъезжал к селу Васюганскому снизу по течению реки Васюган или сверху и как только пароход делал поворот перед взором открывался вид на село, расположенном на высоком берегу реки. В нижней по течению реки части поселка на мысу стояла белая деревянная церковь, от неё в один ряд стояли дома, а по самой кромке высокого крутого берега протянулась километра на два дорога. Она шла до другого верхнего края деревни, в то время Средний Васюган назывался другим именем: село Васюганское. Это потом, когда в верховьях Васюгана возник посёлок Новый Васюган село Васюганское получило теперешнее название. Так вот в верхнем краю села в тот год, когда мы туда приехали построили новую школу, большой деревянный двухэтажный дом. Место это называлось Шайтанов мыс. Место для школы по многим причинам было выбрано крайне неудачно. Далеко от деревни. На месте, где находился курган, древнее поселение людей. Впоследствии археологи производили на этом месте раскопки и были недовольны школьными «соседями», нарушившими «археологию» Шайтанового мыса. Возможно это были археологи Томского университета. Руководитель археологов жил и столовался у нас, ближе чем наша метеостанция к месту раскопок ничего, где бы могли жить археологи, не было. Я водил «дружбу» с начальником. Надо сказать, что главный археолог очаровал меня с «первого взгляда», но не своими «археологическими» достоинствами и знаниями, которые я всё равно не мог бы оценить объективно в силу своего возраста, а тем, что «классно» умел показывать фокусы. Эта дружба окончилась тем, что я лишился своей археологической коллекции, собранной мною в окрестностях метеостанции. А коллекция была солидной, около «четверти кубометра» разных «железков» - бронзовых фигурок животных, наконечников стрел и копий, рыболовных крючков, мелкого цветного бисера, бус, обработанных камушков, среди которых выделялся топорик со сломанным обушком. Его я очень любил, хотя он был каменным, но больно уж он красиво выглядел, отполированный как зеркало из какого-то голубоватого камня. Ни тогда, ни потом я не находил в нашей местности никаких камней. И я не мог догадаться из чего сделали этот топорик древние люди и от этого еще больше проникался почтением к своей находке. Удивляло и другое: если это и в самом деле был топорик, то почему его не использовали по своему назначению, об этом можно было догадаться сразу как только возьмешь топор в руки: его лезвие и обе рабочие стороны были без единой зазубринки и царапинки, словно им никогда не пользовались. Я не мог знать тогда, что подобные предметы могли иметь какое-то сувенирное назначение, использовались как амулеты и ими никогда ничего не рубили, не тесали рукоятки оружия или инструментов, не долбили

лодки, не кололи дрова. Для этого он был слишком мал. Все находки я складывал в сундучок, подаренный мне отцом. Я не знаю откуда зародилась во мне эта страсть коллекционирования. Но собирательством я стал заниматься буквально с первого дня после приезда в Средний Васюган. А к тому времени, когда приехали на раскопки археологи у меня уже составила солидная коллекция. А надо сказать, что не собирать эти редкости было просто невозможно, в первые дни мы по ограде ходили по этим предметам как будто ими специально выстлали все окрестности нашего дома, хоть лопатой их гребли. Не удивительно, что археологи заинтересовались моими сборами. А вот как тогда в далеком детстве уговорили меня «расстаться» с собранной мной коллекцией древностей я не помню и не думаю, чтобы отец с легкостью мог на это согласиться. Скорей всего отец знал, что жить нам придётся в Среднем Васюгане недолго и будет лучше передать коллекцию в «надёжные руки», таскать же за собой этот пудовый ящик тяжестей не смочь и он затеряется вместе с содержимым. Так впрочем и получилось. После Среднего Васюгана у нас никогда не было не только своего дома, но и «своего угла». Потом уже став взрослым и часто бывая в Томском областном краеведческом музее я пытался увидеть «свои» предметы из коллекции, но на выставках их не бывало, а в запасники вход для меня был закрыт. Хотя в начале 70-х годов я тесно сотрудничал с отделом природы, мы с М.И.Новоселовой, заведующей отделом природы музея разрабатывали тогда рекомендации для учителей по проведению уроков с использованием музейных экспозиций. По этим черновым рекомендациям я проводил экспериментальные уроки со своими классами. Но эта работа по многим причинам не была завершена. А потом прежние, надо сказать прекрасные экспозиции, выполненные художником Гроховским, были ликвидированы и теперь музей пользуется другой технологией «показа» своих ценностей путем временных выставок. Позже я видел альбом возможно тех самых «железок», бронзовых фигурок трансформированных изображений животных. И может быть среди них были и «мои».

Как же сложилась «моя» жизнь здесь с первых дней после приезда в село Васюганское. Для человека моих лет здесь были идеальные условия для жизни, для знакомства с окружающим миром. Главным образом с окружающим миром природы. Когда-то давно место для метеостанции выбрали метрах в пятистах от края села в густом кедровом лесу. Отец огородил крепким забором большой участок кедрача, примыкавшего к территории метеостанции. И все годы пока мы там жили кедрач сохранялся в неизменном виде. Отец не разрешал срубать кедры, мотивируя это тем, что будет нарушена природная обстановка и приборы метеостанции будут показывать уже изменённые данные, несравнимые с теми, которые были отмечены при основании метеостанции и являлись базовыми,

основополагающими. Нам не разрешалось лазать на кедровые шишки для сбора кедровых шишек, их можно было собирать с земли.

Я думаю кедровый лес, в котором стоял наш дом не мог не подействовать каким-то образом на мои мысли, чувства, переживания, в кедровом лесу вблизи дома я любил гулять. Я любил разглядывать эти большие деревья, они были красивыми и не походили ни на какие другие деревья. В лесу постоянно можно было увидеть дятлов, бурундуков, белок, может быть они там жили всегда, а может быть появлялись, когда созревали орехи. А однажды мы пережили нашествие белок. Они появились внезапно со стороны реки. Их было так много, что ступить было некуда. Они поднимались по нашей горе, прыжками перебежали к дому и не разбирая дороги, взбирались по стене на крышу дома и спрыгивали с крыши в ограду с другой стороны дома, а другие мчались по земле вокруг дома. Они были мокрые и грязные и какие-то встрепанные и совсем не походили на тех милых белочек, которых мы кормили в нашем лесу. Мы не знали что делать, мы пытались поймать их, чтобы покормить. Собаки металась по двору, лаяли и гонялись за белками. Отец, выскочив из дома, гонялся за собаками, загоняя их в конуры, даже немощный до того Полкан рвался с цепи. А белки бежали молчком, подняв вверх хвосты, они заполнили все вокруг и упорно бежали все в одном направлении в сторону тайги за нашей усадьбой. Стоял только шум, даже гул какой-то. А потом внезапно всё кончилось. Белки исчезли все до единой, утих шум. Полкан, зевнув залез в свою конуру. Отец, стоя посреди двора оглядывался, пытаясь увидеть хотя бы одну из оставших белок. Что это было? Почему бежали белки? Куда и откуда? Почему они не остановились в нашем кедровом лесу, ведь на кедровых шишках было много шишек?

Надо сказать, что кедровые леса давали жизнь многим обитателям, которые были предметом охоты жителей Среднего Васюгана и я часто был слушателем охотничьих рассказов, где были перемешивались с небылицами.

Несколько зим уходил в тайгу белковать и мой брат Сережа. Вернувшегося с охотничьего сезона нашего «охотника» мама угощала пельменями, мы сидели за столом, помогали эти пельмени делать, в комнате жарко топилась печь и мне хорошо слушались серёжины рассказы. «На охоту мы уходили утром рано, - рассказывал Серёжа, - а возвращались поздно, уже затемно и как убитые валились спать».

«Как? Без ужина?»

«Какой там ужин! Успеть бы снять шкурки с белок. В лучшем случае поешь немного сырого беличьего мяса и на бок!»

«Как сырого?!»

«А вот так!» и Серёжа зачерпнул ложкой сырого мясного фарша, приготовленного мамой для пельменей и отправил его в рот.

Тогда же Серёжа рассказал о трагедии, разыгравшейся осенью при заезде охотников на место своей будущей зимней охоты. Они еще по открытой воде на лодке завозили к охотничьему становью в избушку вещи и боеприпасы на зиму. Подъехали и стали выгружаться и в этот момент затаившийся на крыше медведь-шатун прыгнул на охотника с крыши, ударил его лапой по голове, уронил на землю, но в этот момент к месту битвы подошел второй охотник, к счастью в руках у него было ружье и он успел выстрелить в зверя. Тот испугался и убежал, а охотник подхватил истекающего кровью своего товарища, положил в лодку и спешно стал выгребать на Васюган и домой. Охотник остался жив, но охотиться уже не мог.

В таежных краях подобное являлось обыденным, ничего необыкновенного в этом не было. Дети росли и выросли в условиях, которые им диктовала сама природа и окружающие их люди, их образ жизни, поступки и поведение. Мы жили, предоставленные самим себе, рано выучивались принимать решения в обстановке необычных явлений природы, умели лазать на высокие деревья, рано выучивались плавать, ездить на обласках и лодках, рыбачить и охотиться. Отец подарил нам с братом «пистонное» ружье, когда мне было 5 лет. Однажды, когда мы уехали с отцом на Лисий мыс, это километров 20 от поселка и возвращались ночью домой нам попался человек, лежащий без сознания в обласке, отец выгружает нас на берег и отправляет домой, а сам пытается спасти этого человека. Мы знали только в каком направлении находится поселок, но это было для нас тяжелым испытанием пробираться по незнакомой тайге, без дороги, в полной темноте, да еще одним, а там где-то позади нас остался отец и неизвестно, что там случилось с этим человеком и чем всё это кончится. Даже сейчас меня удивляет решение отца отправить нас одних в дикую тайгу ночью. Возможно тогда это было нормой. Но как быстро отец воспринял философию тайги, ведь он был родом из Польши и его детство да и последующая жизнь проходили в совершенно других условиях.

В 1966 году я был проездом в Среднем Васюгане и мне больно было смотреть, как жалкие остатки кедрача, выпестованного когда-то усилиями моего отца, вырубались под строительство детсада.

Здание метеостанции своими большими окнами смотрело в сторону реки. «Парадная» дверь выходила на веранду, в сторону реки. На зиму её закрывали наглухо, а летом открывали и занавешивали прозрачной занавеской от комаров. Утром я через эту дверь выбегал на улицу и спускался по крутой тропинке вниз к «своему» озерку, расположенному там, где кончался лес, росший на крутом склоне, а дальше на плоской равнине васюганской поймы начинался луг, заросший осокой и разными травами,

некоторые из которых стали потом моими любимыми знакомцами. Луг этот тянулся вдоль Васюгана, до которого было от нашего дома наверное не меньше километра, но туда я не решался ходить. Один раз попытался пройти до видневшегося среди осоки озера, но попал в такую густую осоку и высокие кочки, что еле вылез обратно. Я еще не был готов совершать такие путешествия, ведь было-то мне тогда года четыре-пять. И как вообще мне разрешали свободно ходить-путешествовать куда захочу спускаться с горы, на которой стоял наш дом вниз к озеру, ходить в деревню, а идти-то нужно было через лес, густую тайгу и хотя расстояние было небольшое, но и путешественник был еще не так велик! Я любил своё озеро, оно было моим верным «другом» и желанным собеседником. Я садился на бережку своего озера и часами смотрел в воду. Она была чистой, как слеза и наполненной жизнью. Я мог бесконечно наблюдать за всеми жителями и обитателями этого экологического «дома». Они все были интересными для рассматривания. По поверхности катались, как на коньках или лыжах водомерки, эти удивительные и совершенно загадочные существа, разгадать тайну их передвижения сверху по поверхности воды я не мог, чувствовал, что здесь кроется какая-то загадка, но моих познаний не хватало, чтобы разгадать её. Не мог и глаз оторвать от этих снующих бесшумно по всему озеру «конькобежцев». На поверхности были и другие пловцы, две или три стайки небольших черных жучков, чуть побольше божьих коровок. Они неподвижно лежали стайкой на воде среди травинок около берега, но стоило только подойти к ним поближе, как они начинали двигаться всей стайкой, а некоторые из них наиболее проворные вертелись на месте, не уплывая далеко от стайки. Этим жучкам так и называли – «вертячки». Озеро было маленькое, но глубокое и потому в нем водились карасики. Мой двоюродный брат Сережа ставил в дальнем конце озера фитилек и ловил этих карасиков. Они были совсем крохотные, чуть побольше моей ладошки, а их детки – мальки и вовсе были крохотными. Их в воде можно было увидеть, если долго-долго сидеть не двигаясь. Стоило только пошевелиться как мальки уплывали в траву и долго не показывались.

Особое чувство умиления вызывали у меня раскрывающиеся по утрам белые цветы кувшинки. Я иногда раздумываю сейчас над тем восторженным восприятием окружающего мира, так ли уж на самом деле нам в то время казалось всё в розовом цвете, восторг вызывали тогда любые необычные формы, цвета, звуки, поведение живой или неживой природы. Думаю, что так на самом деле и было. Ведь сейчас как воспринимается окружающее: не успеет ребёнок родиться как перед его глазами появляется экран телевизора с его такими яркими фантастическими и в таком сочетании красками, с которыми не может соперничать и Сама Природа.

И только в зрелом возрасте начинаешь понимать ущербность искусственной, изобретенной человеком приукрашенной действительности.

Но тогда у озера я был один-на-один с природой и не было ничего чудесней того, что я видел.

Из оцепенения меня выводил только голос сверху, призывающий на завтрак.

В семье у нас был лад. Наладилась материальная жизнь, голод отступил. Самое необходимое хлеб, молоко, мясо, рыба, яйца, картошка и овощи на столе были. Отец занимался любимым делом и несмотря на занятость уделял внимание и своим сыновьям. Возможно не без его влияния сформировался у меня интерес к природе, к коллекционированию. Этому способствовала и наша уединённая жизнь на обособленной территории. Возможно поэтому к нам во двор в начале зимы приезжали эвенки и расставив свои чумы несколько дней жили у нас. Правда в дом они заходили редко и только в первый день по приезду, а вот старший из них, мама называла его Федором, бывал часто и подолгу разговаривал с мамой или с папой. Это были удивительно добрые люди. И мы всегда радовались этим гостям. «Мама, тунгусы приехали» - кричали мы, увидев еще вдалеке обоз оленей, запряженных в нарты. Федор, старший из эвенков пока молодые эвенки ставили чумы, заходил к нам и приоткрыв дверь садился на порог и говорил: «Как у тебя жарко, паря». А мама ему: «Федор, иди скажи Марии пусть ребенка принесет и перепеленает здесь в тепле». На что Федор не отвечал и, достав кيسет раскуривал трубку, а я надев барчатку выскакивал на улицу и бежал посмотреть как Мария будет пеленать на морозе ребенка. Эвенки улыбались, увидев меня, радовались как дети, садили меня на оленя верхом и кто-нибудь из них водил оленя по ограде, катая меня. Потом мама угощала их чаем.

А мы с братом «кормили» оленей. Приносили им сена из конюшни, олени нюхали сено, но в рот не брали, а эвенки улыбались и качали головой, тогда мы срывали мох с веток кедров и давали оленям. Они вежливо мягкими губами брали мох из наших рук и ласковыми большими глазами смотрели на нас, прося ещё.

Когда мы с братом спрашивали у тунгусов почему они заезжают к нам, а не в факторию, те говорили нам, что их олени страшно пугаются лошадей, а «наши» лошади всегда находятся в конюшне и олени их не видят. Но наш отец говорил нам, что наша ограда, место, где стоял наш дом, было священным местом у тунгусов. В нашей ограде, в нескольких метрах от дома стояла очень большая, высокая и толстая лиственница, она уже высохла, на ней не было ни одной живой веточки, но «наша» лиственница была священным деревом для тунгусов, так считал отец, скорей всего это так и было. Здесь вокруг этой лиственницы я и собирал свою коллекцию непонятных для меня потемневших бронзовых пластинок с изображениями фантастических животных. После каждого дождя в размытой почве находил

я свои редкости. Их было так много, что каждое мое посещение лиственницы давало мне существенное пополнение коллекции.

На самом острие Шайтанового мыса находился курган – древнее поселение, где в какие-то доисторические времена жили те люди, священным местом поклонения которых была территория нашей метеостанции. К сожалению в свое позднейшее посещение Среднего Васюгана в 1966 году я на месте этого кургана нашел школьное овощехранилище – погреб.

Я был знаком с Мартемьяновым Александром, в 50-х годах работавшим на пристани села Каргаска. Он мне рассказал о дружбе своего отца с моим в бытность их работы в Среднем Васюгане. Его отец работал тогда в Среднем Васюгане начальником пушной фактории, и они дружили семьями, в эту небольшую компанию входил ещё и врач Коган. Когда я рассказал об этом своем разговоре (а разговор состоялся в 70-х годах) своей маме, она добавила, что возможно врач Коган из тех врачей, обвинённых в свое время после революции в 30-х годах в политическом «деле врачей», возможно кремлевских врачей.

Вот собственно и весь новый мир, в котором нам предстояло прожить целых пять лет

3. Я иду в школу

Но как бы то ни было, а пути нашей семьи и врача Когана пересеклись и после нашего переезда из Среднего Васюгана в Новый Васюган (в те годы носившего название «Путь Севера» - это по прихоти коменданта Никитина).

В 1934 году отца перевели в Путь Севера – столицу Васюганья - на должность агронома. По планам коменданта Никитина Васюганье должно было превратиться в процветающий социалистический или коммунистический рай, как хотите так и называйте, обеспечивающий себя хлебом. Спешно строились дороги, мосты через реки, корчевалась тайга под пашни, возникали один за другим спецпереселенческие посёлки.

Раскулачивание продолжалось и людей доставляли на Васюган непрерывно, дешевую рабочую силу девать было некуда, занять чем-то её нужно было.

Вся жизнь, все события тех времен совершались на фоне спецпереселения. Помню до сих пор такую картину. Возможно это было летом 1934 года, а может быть на год раньше. К берегу катер подвел небольшой паузок, в трюме которого привезли людей. Это было в Новом Васюгане. Люди на паузке что-

то кричали. Оказывается привезенные отказались вылезать из трюма и сходить на берег. Там были семьи: и мужчины, и женщины, и дети, и старики. Тогда их стали выносить на берег на носилках. Брала под руки, за ноги садили-ложили на носилки и на берегу сваливали на землю, как мешки с картошкой и люди оставались на том месте, где их свалили. Всё это делалось молча, только плакали дети и женщины. Люди не оказывали никакого сопротивления. Это была забастовка, протест этих людей. Я помню, что говорили люди молча наблюдавшие за всем происходящим. Они говорили: «Это – молококане». Уже поздно вечером всех выгрузили, катер зачалил паузок и увел его вниз по течению. А утром мы прибежали посмотреть что же стало с этими людьми, но никого на берегу не было. Вероятно их «угнали» в тайгу подальше от комендатуры.

В то время я далек был от политической и иной оценки всего этого, мой мир не выходил за пределы детских интересов и рассуждений. Но мир взрослых не мог не затронуть и нас детей. То о чем я сейчас расскажу случилось ещё в Среднем Васюгане до нашего отъезда в Путь Севера. Однажды папа пришел домой не один, он вёл за руку девочку и сказал: «Это Катя. Она будет жить у нас». И не сказав больше ни слова ушел. Мы как раз садились ужинать. Катя испуганно смотрела на нас, ни слова не говоря. Мама сняла с неё платок и какой-то пиджачок, усадила на скамейку за стол, налила ей в миску супа и погладив по голове сказала: «Ешь». Так наша семья увеличилась еще на одного человека.

Родители ее, раскулаченные спецпереселенцы из Алтая умерли от голода. Дети, братья и сестры Кати и она сама кое-как перебивались, пока была картошка. Таких семей было вокруг много. А теперь как? «Не знаю» - сказала Катя. А через несколько дней природа устроила для Кати трудное испытание, которое Катя надо сказать с честью выдержала. После этого судьба Кати была решена, она осталась у нас жить, мы её в детдом не отдали. В тот день родители вместе с Сережей, взяв собой и Федю, уехали на покос, а нас оставили с Катей, сделав ей какие-то хозяйственные наказания.. И надо же было так случиться, что в этот день на поселок внезапно обрушилась страшная буря. Она пришла из-за реки, переправившись через реку и набрав скорость на ровной поверхности васюганской поймы она с такой силой ударила в открытый с той стороны откуда буря шла на поселок, что в несколько минут от поселка ничего не осталось. Шум и грохот были ужасными. Сделалось темно, как ночью. Начался ливень еще более страшный, чем ветер. Наш дом спасло только то, что ветром сронило несколько деревьев и они упали на крышу нашего дома, переломились и придавили крышу, потому она и осталась на месте, а в деревне все дома остались без крыш. Как только раздался ужасный грохот ломающихся деревьев, а мы думали, что это разваливается наш дом, Катя схватила в охапку маленького брата, за руку меня, схватила зачем-то заварной фарфоровый чайник и убежала с нами на улицу, она видимо подумала, что

лучше спрятаться в амбаре или погребе, чем ждать, когда нас завалит бревнами, упадет на нас потолок и стены. Мы выскочили на улицу, но как только мы выбежали из-за дома, ветер подхватил нас, повалил на землю и покатил прочь от дома. Катя ползком догнала моего брата, а потом и меня и затащила за стену дома, где было затишье. А потом ползком мы взобрались на крыльцо и спрятались в темном углу в сенках, прижавшись друг к другу. Шум бури постепенно стихал и тут мы услышали голоса родителей, выбежали на улицу, и рыдая бросились к родителям, они уж и не чаяли увидеть нас живыми. А когда мы перебивая друг друга рассказали обо всем, мама обняла Катю и утирая слёзы поцеловала её в голову. Катя жила у нас несколько лет.

Потом через много лет, мы жили тогда в Каргаске, я уже был женат и у меня рос взрослый сын, я заскочил домой с работы из школы на минутку, торопясь куда-то по делам. Мама сидела за столом и пила чай с какой-то женщиной. Мама сказала: «Валя, разве ты не узнаешь, это же твоя няня». Это была Катя! Я не расспросил тогда Катю ни о чем, некогда было. Сейчас жалею об этом.

Так вот – школа. Сказать, что я очень хотел учиться до школы, я не могу. Школа была рядом с нашим домом и все ученики из деревни в школу шли мимо нашего дома. Папа прибил на калитку черную доску и на ней утром и в обед писал мелом данные метеонаблюдений на это время. И прогноз погоды на завтра. В школу я иногда заходил, там ведь учился мой старший брат Федя. В школе было как-то мрачно, полутемно и сильно пахло кислыми щами. Видимо щи варили на горячие завтраки. А потом пришло и 1 сентября для меня. Мама сшила мне сумку из какой-то светлой ткани, пришила к ней ляжку. Ляжка получилась длиннее чем нужно и сумка оказалась ниже колен. Это меня так удручало, что я не пошел в класс, куда сразу убежали все одноклассники, а стоял в коридоре, прижимая спиной к стенке свою несуразную сумку. В те первые минуты я думал только о том как мне быть с этой ужасной сумкой и пропустил многое, что совершалось и эти минуты в коридоре и потом в классной комнате, я не запомнил имени своей учительницы и все остальное о чем говорилось. Но видимо учеником я оказался прилежным, полностью удовлетворяя учительницу и школу и потому в конце первой четверти меня пригласили в клуб и я был награжден альбомом для рисования и коробкой цветных карандашей. Откуда они узнали, что я люблю рисовать, о лучшем подарке я и не мечтал. Домой я не шел, а летел как на крыльях.

Подаренный альбом был составлен из простых серых листов бумаги и рисовать на нем цветными карандашами было одно мучение. Но я был рад и этому. Другого-то ничего не было. Рисовал я грифельком в тетради из черной плотной и толстой бумаги, которая пахла резким и не очень приятным

запахом. Как только страница исписывалась, написанное удалялось мокрой тряпочкой и страничка снова использовалась для письма. Чернила, чернильницы «непроливайки», ручки с пером и конечно тетради с белой линованной бумагой появились, когда я учился уже во втором классе. Когда я показываю сейчас своим ученикам бумагу, на которой мы писали, они не могут поверить, что такое может быть. Многие изменилось в нашей жизни. Трудно в это поверить, но у нас не было новогоднего праздника, мы не знали деда Мороза и Снегурочки, не наряжали ёлки. Этот праздник был запрещен, как буржуазный.

Во время переезда в Новый Васюган я уже окончил первый класс, то есть мне было уже больше 8 лет и потому многое из того, что я рассказываю запомнилось мне отчетливо, как вчера случившееся. Так как именно в это время я пристрастился к чтению книг, то у меня к прежним увлечениям прибавилось еще одно, ставшее едва ли не главным моим занятием, а впоследствии без всякого преувеличения самым главным, довлеющим над всеми другими, и это пристрастие – чтение - повлияло на ускоренное мое взросление. В это время произошло событие, наделавшее много шума в путь-северском и не только сообществе и которое перевернуло всю нашу жизнь и поставило точку на моем счастливым детстве.

Событие это в то же время оценило и степень моей «взрослости», понимания мною событий, которые происходили в мире взрослых людей. В сентябре 1935 года был убит комендант Никитин. Конечно же власти поспешили признать это убийство на политической почве. Но я помню рассказы о том, как был застрелен комендант его любовницей в одном из ближних к Путь Северу поселков. По этому случаю съехалось много людей из местной власти, работников НКВД, врачей, в том числе и врач Коган из Среднего Васюгана. И надо же было так случиться, что именно в тот трагический для коменданта Никитина день я заболел воспалением легких и как рассказывала мне моя мама только благодаря Когану я остался жить, он меня вылечил. А я поправлял маму: «благодаря Никитину», если бы не он, Коган бы сюда не приехал.

Через несколько дней отца сняли с работы и он в тот же день уехал, (вернее сбежал) из Путь Севера, оставив нас одних без копейки денег и не сказав, где он будет и где нам его искать и искать ли вообще и что нам делать? Видимо ему нужно было скрыться и скрыться так, чтобы никто не знал, где он находится.

А нам нужно было что-то делать, так как маме предложили срочно освободить квартиру – избушку с одним окном, в которой мы с грехом пополам перезимовали. И эту избушку отец получил, так как прибыл он в Центр Васюганской комендатуры по приглашению строить «социализм», но вот так получилось, что защитить его было некому, вся команда коменданта

Никитина попала в опалу и я считаю, что отец легко отделался, но как показали дальнейшие события отец увёз отсюда «черную» строчку в своей биографии. А мы? Выгрузили свои вещи из дома на улицу и стали перетаскивать их на пристань. Укрыться там было негде и мы заночевали между сундуками, набросив на них от дождя ковры и половики. К счастью дождя не случилось. А вот мёрзли мы отчаянно. Особенно маленький брат, ему не было еще и 6 лет, а на дворе был уже сентябрь и по утрам на траву ложился белый иней. А что мы ждали на пристани? Ведь никаких пароходов по Васюгану тогда не ходило, тем более пассажирских. Из транспорта я помню только небольшую моторную лодку, которая доходила до Путь Севера один раз в неделю, но она развозила только почту по поселкам и естественно никаких пассажиров никогда не брала. На наше счастье мама нашла лодку, которая пустой шла до Каргаска и два мужика согласились взять с собой и нас. Что это стоило для мамы я не знаю, но среди вещей ничего дорогого особенно не было. Разве папины охотничьи ружья, но их она в руки боялась взять, а не то, чтобы торговать ими. Даже сейчас они выглядели бы как музейная редкость, эти бельгийские ружья. Скорей всего мама пожертвовала папиными костюмами.

И началось наше почти недельное путешествие по Васюгану. Мы не знали куда ехали. В Каргасок? Да. Но нас там никто не ждал, у нас не было там ни родни, ни близких нам людей. Отец не сказал, что именно в Каргаске мы узнаем как нам поступать дальше. Но все оказалось не таким страшным, в Каргаске нас ждала записка от отца, в которой он писал, что нам следует ехать в Нарым, нас ждет там квартира на Камчатке (небольшая деревня в устье Кети, на противоположном берегу от Нарыма) и что мы с Федей уже записаны в школу в Нарыме. Так все и получилось. Мы учились в Нарыме до начала зимних каникул, а к 1-му января за нами отец прислал несколько лошадей и мы из Нарыма уехали в деревню Басмасово, что стоит на обской протоке недалеко от Парабели и где мои родители жили год или два сразу после их женитьбы. Я не знал тогда, что в Басмасово начнется мое трудное детство. А пока же отец встретил нас в жарко натопленной комнате, на столе дымились полные миски кроличьего мяса и на плите кипел большой чайник заваренного фамильным чаем с сушеными листьями смородины.

4. Трудное детство.

Уже на другой день после приезда из Нарыма я пошел в школу, в третий класс. А отец уехал, он работал в Копыловке на плотбище. Так говорила нам мама. Хотя потом была записана его должность при той жизни в Басмасово другая, он числился секретарем сельсовета. Как сама школа так и учительница мне не понравились. Школа была маленькая, маленькая избушка, в ней была всего одна классная комната, где занимались мы, ученики сразу четырёх классов и небольшая прихожая, в которой мы на переменке отдыхали. Учительница была не очень старая, но сильно хромала

на одну ногу и поэтому все уроки проводила сидя за своим столом. Мне это было «выгодно», так как я мог читать книжку, положив её на колени. К сожалению книг для чтения в школе почти не было, около учительского стола на этажерке лежало несколько книжек, я их довольно быстро все перечитал и дальше на уроках делать было нечего, содержание уроков я усваивал быстро и от нечего делать запоминал то, что было на уроках четвертого класса. Особенно мне нравилась история и на следующий год уже в другой школе, у другой учительницы я сильно преуспел в знаниях истории, особенно удавалась мне хронология событий за что ни один раз поощрялся. Эта басмасовская школа с ее четырьмя враз занимающимися классами приглянулась мне тем, что освоив положенное для 3-его класса, я мог пойти дальше и осваивать новые знания за 4-й класс, что я активно и делал. Можно было и повторить, то что пропустил когда-то или не освоил как следует. Но были в этой школе и недостатки и они мне дались тяжело, а заключались они в том, что учительница была слаба в преподавании арифметики и не умела объяснить некоторые арифметические приёмы. А я любил арифметику и мне было обидно, что у меня не получалось кажется деления трёхзначных чисел. Помню, что в самом конце мая месяца нам задали на дом решить несколько столбиков примеров вот на это самое деление. А оно у меня никак не получалось. Это меня так мучило, что я даже не стал играть с ребятами в любимые игры: в «чижик», в «12 палочек», не пошел даже встречать пароход на берег Оби. И вдруг в какой-то момент меня «осенило», в один миг я понял как нужно решать эти злополучные примеры. Как же могла учительница такое простое действие не объяснить как следует. Я побежал домой, быстро решил все примеры и успел и с ребятами поиграть и пароход встретить.

Надо сказать, что Басмасово стояло на таком низком участке обской поймы, что какое бы ни было половодье высоким или низким оно каждый год затопляло деревню и в школу мы ездили на обласках, как в Венеции и нужно было видеть эту картину причаленных ко крыльцу в две-три ступеньки деревенской избы-школы гроздь обласков! Сейчас такую картину даже в кино не увидишь. Хотя возможно Басмасово и сейчас живет, но уже без школы! Наша хозяйка, у которой мы снимали квартиру, держала корову, корова была дойная и хозяйка, как все другие, не увозила корову в соседнюю незатопляемую деревню, а держала при доме, стайка стояла на высоком бугре и хозяйка кормила её остатками сена, а мы с братом после уроков (моих уроков – брат не учился) привозили полный обласок проросших ивовых веток. Это было серьёзным подспорьем для коровы. Но хозяйка была скуповата и видимо считала, что наша забота о корове входит в стоимость квартплаты. Даже младшему брату редко перепадала кружка молока.

Мы с братом в своих поездках на обласке открыли для себя интересное занятие. Оказалось, что все птицы вили гнезда на деревьях, на плавающем валежнике, в дуплах, в кустах и их легко было обнаружить. Из каждого гнезда мы брали не более одного яйца. Я научился «выдывать» содержимое

яиц и промывать изнутри чистой водой скорлупу каждого яйца и довольно быстро составил довольно солидную коллекцию яиц басмасовских птиц. Сказался васюганский опыт коллекционирования. Потом всю коллекцию я подарил колпашевской начальной школе № 4, в которой учился в четвертом классе и у меня осталась самая хорошая память и об этой школе и о своей учительнице четвертого класса.

Но всё это было после, а пока мы ещё жили в Басмасово и наконец наступил страшный день, перевернувший всю жизнь и судьбу каждого из небольшой нашей семьи, летом 4 июля 1937 года арестовали нашего отца и увезли куда-то не сказав нам и о причине ареста, и о том куда его увозят. Это была ужасная картина, когда в дом ворвались четверо взрослых людей среди них одна женщина, они бесцеремонно поставили отца отдельно от нас к стене, а нас с мамой затолкали в угол комнаты, младший братишка испугался и заревел громко, мама взяла его на руки и стала успокаивать, а у самой слезы текли из глаз и она так испугалась, что не посмела даже спросить, что же происходит, что они делают и почему нам ничего не сказали при всем этом. В эти несколько минут все вещи побывали в руках пришедших. Все документы, записные книжки, письма отца сразу же отложили отдельно на стол, там же оказались ружья и боеприпасы. В полчаса все было окончено, отца вывели из дома и повели к берегу, где стояла лодка с гребцами. Мы шли следом. Отцу не разрешили попрощаться с нами, усадили его в лодку лицом в сторону реки. Лодку оттолкнули и она увезла отца, больше мы его никогда и не увидели. Мы долго еще стояли на берегу, прижавшись друг к другу. Никого кроме нас рядом не было, Вся деревня враз как будто опустела. Не пришли даже наши родственники попрощаться с отцом или побыть с нами. Мы вернулись домой. Все наши вещи стояли на крыльце, а на двери висел замок. Хозяйки не было. Ночью должен был прийти пароход и мы перетащили все вещи на берег Мы были убиты всем случившимся. Это было так неожиданно. Ещё утром ничто не предвещало несчастья, мы с отцом лежали на полу на медвежьей шкуре, разговаривали, смеялись, папа рассказывал что-то смешное (он приехал из Копыловки навестить нас), нам было хорошо, а мама у плиты готовила завтрак.

6. Жестокое детство.

Ночью мы сидели у вещей и ждали парохода, мама сказала, что мы поедем в Колпашево, к маминой сестре, нашей тете. Больше нам ехать было некуда. Во всем мире у нас не было никого. Шел мелкий противный дождик, страшно кусали комары. Плакал младший брат. Он все еще не мог прийти в себя. Был напуган, хотел есть, ему было холодно, он вымок под дождем. Всем было плохо. Пароход пришел под утро, когда уже стало светать. Хорошо, что нас взяли с вещами. А вещей как нам казалось было немало: два сундука, два или три больших узла с одеждой и обувью, подушками, периной, одеялами, наши с братом сундучки, игрушки, мамина швейная

машина и еще какие-то вещи, таскать всё это – не перетаскать, но капитан сверху в рупор сказал: «Погрузить» и матросы в две минуты перетащили все наши вещи на пароход. Он был большой, в два этажа, красивый, весь в огнях, покрашенный в белую краску и назывался «Тихонов». Он дал три гудка и... повёз нас в неизвестность.

Так началась наша новая жизнь. В проходах парохода вдоль стенки мы расставили, как сказали матросы, наши вещи, уселись на сундуки и сразу же отогрелись, было очень тепло, рядом шумела машина, вращающая колеса с деревянными крыльями- плицами, так они назывались. Мама выпросила (наверное купила) целую кастрюлю горячего супа с хлебом и мы наелись сытно и вкусно и уснули на сундуках.

Конечно там куда мы ехали нас никто не ждал. Они конечно и не знали что с нами произошло, не знали и что мы к ним едем. А мы привезли новый страх

Все были страшно напуганы арестом отца. Страх жил во всех наших семьях. К этому надо добавить и то, что муж тети Шуры, дядя Доря (Дормидонт Александрович Волков) тоже в это время сидел в тюрьме, обвинённый в неправильном определении сорта мехов, отправляемых в Ленинград на пушной аукцион. Еще жива была в памяти смерть нашего дяди, Василия Васильевича Большанина. (Как мы узнали потом, что в эти самые дни в городе Славгороде Алтайского края был арестован и расстрелян мой родной дядя Алеша, мамин брат). Нам рассказали, что и в городе Колпашево было арестовано много «врагов народа», как их называли и что все они находятся в городской тюрьме. Наутро мама уже была под стенами тюрьмы. Народу собралось видимо-невидимо. Никто не знал есть ли вообще в тюрьме арестованные. Пользовались только слухами. Вечером мама рассказала, что из окон тюрьмы выбрасываются иногда записки. На следующий день мы все были уже у тюрьмы. Что мы ждали, мы и сами не знали, была только одна надежда на то, что отец тоже сидит в этой тюрьме и тоже может выбросить нам записку. И такое чудо совершилось. В один из дней нам шепотком передали, что у одной из женщин для нас получена записка. Эта записка была от папы: маленький клочок газетной бумаги, скатанный в шарик, развернув его можно было прочесть несколько слов. В течение месяца или двух мы получили четыре записки. Прочитав записку нужно было тут же её уничтожить. Конечно мама не сохранила записки. Я не помню что было написано в них, в одной я запомнил два слова: «береги детей». Но нам нужно было как-то устраивать свою жизнь. Жить у дяди было конечно невозможно. Нас всех было 13 человек. Самых младших было четверо и самому малому, состренке Маше было два года, самому старшему не считая Феде, это мне, было 11 лет.

Я поступил в 4-й класс начальной школы № 4, а Федя (он два года не учился) поступил в седьмой класс средней школы № 1. Квартира, где мы все жили

состояла из одной комнаты. Посередине этой комнаты стояла несуразно большая русская печь, правда на ней сверху можно было спать, мы и спали на ней с братом. Сестра Маша и брат Алеша имели свои кровати, бабушка спала за печкой, мама – на сундуке, тоже за печкой, сестра Галя уходила спать за стенку к соседям, брат Виктор в сентябре ушел служить в армию и служил два года в кавалерии в Монголии, брат Александр ночевал в слесарной мастерской, где работал, а летом мы с ним спали «на вышке» под крышей своего дома. Там Саша сделал лежанку из досок, застелил её кошмой, а укрывались мы овчинным одеялом. Было мягко и тепло так, что никакие морозы нам были не страшны. Начиная наш сезон 1-го Мая или чуть-чуть раньше в зависимости от погоды, а заканчивался в октябре и тоже в зависимости от погоды мы переходили на зимние квартиры: Саша в свою мастерскую, а я на печь.

В первый сентябрь после приезда в Колпашево мы с мамой решили заработать себе на зиму картошку, ходили копать колхозную на Матьянгу: 10 ведер в кучу, а одно – себе. Было отчаянно холодно и как на зло шли все время холодные дожди и только сознание того, что нужно заработать хоть немного картошки на зиму заставляло нас терпеть. Сколько мы этой самой картошки накопили я уж не помню, но ведро-другое было не лишним в нашем небогатом рационе. Еда наша была незамысловатой. Бабушка варила в русской печке чугунок картошки в мундирах, я с бабушкой «мундиры» снимали и на большой сковородке бабушка эту картошку сдабривала сметаной и поджаривала на плите. И эта сковородка должна была «кормить» нас весь день, не жирно, но другого не было. Этим же летом 1937 года я подрабатывал на продаже перронных билетов на пристани. Вообще-то кассиром была тетя Лида, дальняя наша родственница, но когда не было парохода, а стало быть и пассажиров, то «на кассе» сидел я, а тетя спала. А еще я подрабатывал в Сибпушнине этим же летом. Сибпушнина, где работал мой дядя занималась заготовкой вторсырья: балберы и ивкорья. Балбера – это кора черного тополя для рыболовных поплавков, которую обработав укладывали в плетеные корзины. Моя задача была после укладки балберы зашить корзину куском «крапивной» ткани, подписать и подвесить на корзину бирку с адресом и написать вес тары и брутто. А также подвесить, подписав бирку на пучок свернутого и связанного ивкорья. А в праздники я еще и лозунги писал и во всей этой работе «виноват» был мой грамотный и каллиграфически правильный почерк. Так он и прошел потом через всю мою жизнь. (А в армии я «прославился» еще и вычерчиванием топографических карт, это свое умение я тщательно скрывал, не хотелось сидеть день и ночь в душной комнате полкового штаба).

Потом, когда мы переехали в Каргасок из Колпашево эта работа тоже была моей обязанностью, но здесь был другой «товар» - меха и кедровый орех.

Но все это было потом, а сейчас у нас с Федей была школа, нужно было учиться.

Попытки мамы устроиться на работу не дали успеха, да и работы видимо не было. Или было что-то другое, возможно на маме «висела» печать «врага народа» - ведь отец-то сидел в тюрьме. И мама стала стежить ватные одеяла на продажу. Но и тут нас подстерегла беда: однажды пришла катастрофа возможно кто-то «донес» на маму. Или «они» сами вычислили преступление этой семьи. Я возвратился в тот день домой чуть раньше и как обычно хотел открыть дверь в сенки потайной задвижкой, но вдруг услышал из-за двери приглушенный голос моей тёти: «Валя, уходи! Домой заходить нельзя. Уходи!»

Что такое? Что произошло за это время пока я был в школе? Почему мне нельзя заходить домой? Если в доме что-то происходит, то где моя мама и кто в доме? Знают ли об этом мои братья и где они? Почему нет маленьких Маши и Юлия? Где все? Что мне делать? Я испугался. Мне стало страшно. Я подумал, что нужно уйти от дома, спрятаться куда-то. Нужно выйти из ограды, но тогда нужно пройти мимо окон нашей квартиры, тогда меня увидят, если в доме есть чужие? Кто они эти чужие? Что делать? Что делать? Ограда нашего дома была небольшая. Задняя часть её была стеной длинного сарая соседнего дома, который стоял на соседней центральной улице Колпашева, Коммунистической, вторую границу ограды образовал соседний дом, но окна в нашу ограду у этого дома не было, выход в переулок был отгорожен глухим забором. И одна ещё сторона нашей ограды, был наш дом. «Оградой» мы называли двор около дома. Я решил уйти из ограды через сарай. Заберусь на туалет, с него перепрыгну на крышу сарая, а с него в соседнюю ограду. Но там - наши враги-мальчишки, с которыми мы всегда дрались, но мне ведь нужно только перебежать через ограду на Коммунистическую улицу, я побегу быстро, меня не успеют догнать. Я подошел к туалету и вдруг слышу голос мамы из туалета. Она говорит вполголоса: «Валя, уходи скорее из ограды и приходи только когда стемнеет, сейчас со мной не разговаривай. Быстро уходи!» Тут я совсем испугался. Не помню как уж я добрался до мастерской брата Саши и все ему рассказал. Всё пережитое мной за последние месяцы вдруг сейчас вылилось в какую-то болезнь, я весь дрожал, мне было то холодно, то жарко. Они о чем-то поговорили с Сашиним напарником, напоили меня горячим чаем и уложили на скамейку, закрыв старенькой шубейкой в углу мастерской. Где я сразу же уснул. А проснулся, когда было уже темно. И мы с Сашей отправились домой. Я еле передвигал ноги. Дома нам сразу же открыли дверь, никого чужих в доме не было. А приходил днем агент НКВД, он просидел до вечера, ожидая маму и на завтра за мамой пришли и маму увели из дома утром рано. Я в школу не пошел, не мог идти, лежал на печи, под ватным одеялом.

А мама все-таки на счастье домой вернулась, её отпустили, допросив как следует и пригрозив, что если она не прекратит работать на дому, то будет осуждена. Что она там пережила за эти несколько часов ожидания и допросов, не передашь словами и почему с ней обошлись так мягко до сих пор мы не знаем. А я провалялся в постели наверное целый месяц и в школу не ходил. Спасение мое было только в книгах. И тут надо о них, о книгах, о библиотеках и библиотекарях и вообще о моем чтении сказать особо несколько слов.

Выучился я читать в школе. И сразу же как только научился из букв складывать слова записался в библиотеку. Мне нравилось читать. Помню даже название первой книжки, которую мне дали в библиотеке. Она называлась «Только – сколько». Она была без картинок, напечатана на серой бумаге, теперь такой и не бывает, но так как я других книжек не видел, то эту первую, воспринимал, как великое богатство. Содержание её не запомнил, это была книга про арифметику и в ней было много стихов. А потом пошли книги одна за другой, как говорят «запоем», читал все подряд, не выбирая, и с тех пор не помню себя без книжки. В Новом Васюгане, когда заболел воспалением лёгких, и потом, когда ко мне вернулось сознание, первое, что я ощутил, была книжка в моих руках. То же самое я пережил во время ареста матери и моей болезни в те дни. А надо сказать, что в эти самые дни о моей страсти к книгам узнала Мария Ефимовна, фамилию её я к сожалению не запомнил, она дальняя родственница, она работала библиотекарем в детской колпашевской библиотеке и принесла мне «на печку» стопку книг, среди которых была и любимая моя «Робинзон Крузо». Не она ли тогда «подняла меня на ноги». В это время сестра моя Галя вышла замуж и они получили квартиру в микрорайоне Учительского института и Галя записала меня в библиотеку этого института, где библиотекарем работала подруга сестры.

Так я оказался читателем сразу двух библиотек, чем я был очень доволен, так как в библиотеке на руки много книг не давали, обычно две, а то и одну, а читал я быстро и иногда приходилось ждать, когда позволено будет обменять очередную «порцию» книг для чтения. Это меня мало устраивало, так что «две» библиотеки были мне на руку. В 1940-м году мы переехали жить в Каргасок, где к счастью была хорошая библиотека, а меня к этому времени, я учился уже в седьмом классе, который считался выпускным, уже интересовала более серьёзная литература и я нашел её и не только в смысле книжного фонда, но и в лице библиотекарей. Одним из которых была Петерс Мария Александровна, очень грамотная и образованная женщина и библиотекарь, кстати родная тётя моего одноклассника Альберта Штейнберга, поняв мою страсть к чтению она предложила мне «индивидуальный» план чтения книг. Так я, начиная с седьмого класса, получил надёжную поддержку в чтении и начал планомерное изучение классической художественной, исторической, философской литературы отечественной и зарубежной. Кроме этого и в школе хорошо были наши

«тылы» защищены. Литературу у нас преподавали очень грамотные литераторы. В 9 – 10 классах нашим преподавателем был Виктор Федорович Козуров, кандидат филологических наук (как он попал в Каргасок?!), а в 7-ом классе литературу и русский язык «вела» Мария Ивановна Сергеева, выпускница Бестужевских курсов и дочь санкт-петербургского «народника», ушедшего «в народ» на Урал перед гражданской войной. Начиная с 8 класса в школе хорошо работал литературный кружок. Ребята выпускали литературный журнал и часто устраивали литературные вечера. Руководила литературным кружком молодая учительница Малышева (я не запомнил её имени-отчества, я у неё не учился). Я посещал в эти годы драматический кружок, руководил которым недолго бывший режиссер Харьковского (!) театра Драмы. Он учил нас искусству перевоплощения, нам это очень нравилось. Во время войны в Каргасок часто приезжали артисты московских и других центральных театров. Белорусский драматический театр всей труппой прожил в Каргаске всю зиму 1942-43 года, а Украинский театр оперетты прожил все лето 1943 года. Надо сказать какое большое влияние оказало это на наш культурный уровень. Одно дело читать Шекспира и совсем другое видеть героев «вживую». Я впервые видел великих артистов в роли героев Шекспира, Островского, Симонова да и многих других драматургов на сцене. По другому читались и книги.

Но вернемся к книгам и к библиотекам. Можно сказать, что по-настоящему я пристрастился к чтению книг после ареста отца, окончания 3-его класса и переезда в Колпашево. Для меня, как и для всей нашей семьи это далось очень тяжело. Долго ещё отец мне снился почти каждую ночь. И тут я обнаружил, что только в книгах я находил хоть какое-то облегчение от более чем мрачной действительности. Особенно в детстве мне нравилась книга «Робинзон Крузо». В судьбе Робинзона многое походило на мою судьбу. Он как и я в один миг лишился средств существования, но не пал духом и постепенно по крупицам улучшал свою жизнь. Что-то нужно было делать и мне, так я думал тогда. Но в книге не говорились о том, что можно было сделать в моей ситуации. И я продолжал читать, но вовсе не потому, что в других книгах я искал прямого ответа на мои вопросы: что делать. Я не помню, чтобы я так думал. Скорей всего всё было очень просто, чтение отвлекало меня от тяжелых мыслей. Но не только. И об этом я расскажу дальше.

А жилось нам мало сказать плохо, и не только в материальном отношении

Попытки улучшить как-то свое положение ни к чему не привели. Да и помощниками для мамы мы были неважными. С заработками у мамы ничего не получилось, возможно и на работу устроиться в те годы было не так просто да и биография её была серьёзным препятствием для устройства на работу, её муж только что был арестован и сидел в колпашевской тюрьме. Мы, наша семья, стали в одночасье «врагами народа». Радио, газеты были в

это время переполнены сообщениями о разоблачении «врагов народа», писали о собраниях «трудящихся», требующих строгого наказания «врагов народа». Даже дети были вовлечены в эту «кровавую игру» взрослых. Мы тоже «искали и разоблачали». Ребятишки нашего 4-го «А», в картинке на обложке тетрадки к стихотворению «Песнь о вещем Олеге» А.С.Пушкина нашли зашифрованную фразу «Долой ВКП(б)» и хотели идти с этим к директору школы. От своих соклассников я скрывал свою тайну об отце. И вообще вся наша семья была далеко не «рабочее-крестьянской» и пример был совсем рядом: мамин дед был священником Воскресенской церкви в Тогуре. Понятно какой «микроклимат» был в то время в нашей семье. Мы жили в постоянной тревоге и в постоянном не слабеющем страхе. Мы с братом Федей и мама ходили каждый день под стены тюрьмы в надежде хоть что-то узнать о судьбе отца. Эти «походы» наши продолжались до октября 1937 года. А потом внезапно прекратились. До этого по слухам ожидался приход парохода с баржами за арестованными, но в начале октября похолодало, выпал снег и пароход с баржами будто бы вернулся назад в Томск или Новосибирск. Прошел и другой слух более страшный: из тюрьмы всех вывели ночью и по дороге в Тогур и расстреляли в овраге. Наутро мы с братом в школу не пошли, а взяв с собой по куску хлеба пошли в Тогур. Дороги туда мы не знали и что мы хотели там найти и увидеть мы и сами не знали. Шли молча, боялись встретить кого-либо из знакомых. Что мы тогда скажем этому знакомому? Встретили первый овраг, а точнее неглубокую балку, заросшую травой и кустарником, спустились с моста на дно этой балки и прошли сначала вверх по этой балке километр или два, а потом вернулись и хотя было страшно пошли вниз по балке и тоже прошли километра два. Но ничего не увидели и никого не встретили. Возможно в легенде именно об этой балке и говорилось. Как оказалось позже, правда в этой легенде была, но другая, и она вскрылась в 1979 году. (Об этом написано в книге «Колпашевский яр» Владимиром Запецким. Издательство «Сибирская книга», Новосибирск, 1992). В мае этого года около пристани обвалился яр и обнажил захоронение. Упавшие в Обь трупы поплыли вниз по течению великой реки! Ясно было что это за люди! На берегу собралась толпа людей. Все тайное стало явным. Вскрывшееся захоронение было на территории бывшего здания НКВД. Вот корни легенды про овраг по дороге в Тогур! Здание НКВД находилось на берегу оврага, устье которого выходило к пристани на Оби. Через этот овраг в устье его был перекинут деревянный мост, на котором и под которым мы пацанами играли в войну, в папанинцев и челюскинцев. Знать бы по какой насыпанной свежей земле бегали мы на дне оврага 5 октября 1937 года! В 1964 году мне из Военного трибунала Сибирского военного округа ответили, что мой отец умер (был расстрелян) 5 октября 1937 года, значит в этот день, а скорее 6 октября мы уже знали об этом (если бы знали). А мама и мы тоже до 1964 года еще надеялись на что-то. А тогда тайная информация распространилась мгновенно, на следующее утро мы с братом уже шли в Тогур.

1 сентября 1937 года я пошел в 4-й класс начальной школы. Учился я хорошо и у меня не было нелюбимых предметов. Любую учебную информацию я осваивал с удовольствием, меня любила учительница пения, но не потому, что я хорошо пел, а потому, что слова любых песен я запоминал сходу и музыкального слуха у меня не было никакого и за что мне отличные оценки ставили – поди разберись. По истории я имел всегда отличные оценки. Но опять-таки не потому, что мог истолковать исторически обоснованно любые события, во все времена и эпохи, а потому, что запоминал даты не только значительных исторических фактов, но и совсем незначительных, а еще потому, что выписывал даты красивым шрифтом и вывешивал на доске, независимо от того просил меня учитель или нет, так повелось еще с третьего класса в Басмасово. Там учительница к доске почти не подходила. Она была хромая, видимо стеснялась этого и просила учеников писать на доске слова или примеры по арифметике. А меня, как умеющего рисовать просила писать даты. Я их выписывал на бумажке и вывешивал на доске. Всегда любил математику и не могу сказать какую больше: геометрию или тригонометрию, планиметрию или стереометрию, алгебру или арифметику. Учился с удовольствием всегда. Школу любил.

На удивление любил контрольные работы, сочинения, экзамены. Но не скажу, чтобы учение мне давалось легко. Готовился к урокам всегда и иногда помногу.

Дома обстановка была тоскливая. Жизнь впроголодь угнетала. Мама давала нам с братом в школу по кусочку черного хлеба и по маленькому кусочку соленого свиного сала или поджаренного чебака. Не скажу чтобы все так бедовали. Некоторые одноклассники в школьном буфете покупали белые булочки, а некоторые даже что-нибудь и послаще, например пирожное. Не знаю откуда родилось у меня это желание (я же знал, что оно было несбыточным) попробовать пирожное и непременно сорта «наполеон».

Я стеснялся своей еды, доставал под партой, чтобы никто не видел свой завтрак, откусывал наклонившись под парту черный кусок хлеба, заедал его

чем «бог пошлет» - салом или горячего копчения чебаком -, выпрямлялся и жевал с таким аппетитом, как будто ем никак не меньше чем «наполеон». Стеснялся я и своей одежды, особенно штанов. Мама сшила их из зеленого сукна, отцовской шинели, штаны получились толстые и были конечно великоваты, выглядели на мне не ахти как, но ничего другого дано не было. На ногах осенью я носил чирки, брат мазал мне их дёгтем, от них отчаянно пахло, но как говорил дядя от дегтя чиркам сроку будет до ста лет.

Я не могу сказать, что мы жили голодной жизнью, как говорят «умирали от голода», но мне насколько помнится есть хотелось всегда. Жили на одной картошке. Когда мы приехали в Колпашево у дяди была корова, а потом она

исчезла. Исчезла из моей памяти. Или её свели со двора: продали, съели, ей-богу не помню. 1938 и 1939 годы не были голодными годами. В магазинах продавались продукты, в том числе и такие как колбаса, крупы, хлеб, кондитерские. Но кто мог купить это богатство? Я ходил в «каменный» магазин чтобы посмотреть на колбасу. Их, этих колбас, было много сортов: охотничья, краковская... Как я хотел попробовать хотя бы один ломтик любой из них! Видимо это была шутка «природы»: в армии в нашей роте оказался мой земляк из Колпашево, до призыва он работал на мясокомбинате в колбасном цехе и рассказывал нам о технологии приготовления любого сорта колбасы. Всё бы ничего, но его рассказы были нескончаемыми, «вечными», он изводил нас ими, с утра до вечера стоило только к нему подойти как на тебя обрушивалась очередная какая-либо колбасная подробность, всё бы ничего, но мы были голодными, как волки, «с утра до вечера», и какая будет сытость если даже в обед на первое был суп из мороженой капусты, а на второе всё та же капуста.

И вот в это время задумал я убежать из дома. Никому я об этом не говорил, подговорил только Володю, своего дружка, он согласился бежать со мной. Мы договорились, что как только окончим учиться в конце мая месяца сядем на пароход «Тихонов» (почему именно «Тихонов»?) и поплывем вниз по Оби. Почему вниз? Я говорил Володе: «Все бросятся нас искать вверху, в Томске или Новосибирске, а мы укатим вниз и вылезем в Басмасово. Там-то никто не догадается нас искать». На большее нашей фантазии не хватило. Примерно с января месяца мы стали сушить сухари. И каждый день обсуждали сколько у кого уже засушено сухарей.

Видимо решение бежать было настолько серьёзным, что мы исключили даже обсуждение последствий нашего побега. Наконец настал роковой день, сегодня вечером пароход будет на пристани, а так как на пристани все меня знали, то ни у кого не возникло бы подозрений: почему я один и так поздно и с мешочком в рука, как будто в дорогу собрался? Я жду парохода и с тоской оглядываю берег, почему нет Володи? Он уже должен быть здесь со мной. Послышался далекий гудок парохода. Я выбежал с дебаркадера на берег. Но Володи нет. Подходит пароход. Я вижу, что с горы бежит к дебаркадеру Маша, сестра Володи и увидев меня, замахала рукой, подбежала и оглядываясь скороговоркой сказала: «Валя, Володя заболел и с тобой не поедет!». И убежала, не сказав больше ни слова.

Наутро я пришел к Володе домой. «А они уехали в Среднюю Азию» - сказала хозяйка соседней на площадке квартиры. Так окончился ещё один период моего детства.

Через несколько дней я уехал с бабушкой в Тискино на лето. Уехали к Виктору, моему двоюродному брату, сыну дяди Васи, погибшему в 1929 году.

Виктор недавно женился и у них родился сын Володя. Виктор написал бабушке, чтобы она приехала поводитья. Бабушка поехала и взяла меня с собой. Это был предлог, а причина другая. Нужно было подкормить меня на деревенских харчах. Виктор был замечательный человек. Несмотря на молодость Виктор имел очень большое влияние на окружающих его людей, даже если они были иногда намного старше его по возрасту. Вернувшись из армии Виктор устроился на работу в Сибпушнину, самую крупную организацию тех лет в Колпашево. Видимо у него на работе неплохо получалось, так как его вскоре направили организовывать пушные фактории вначале в поселках по реке Кети, а потом перевели в обскую часть колпашевского района. Там у него была квартира, отдельный дом в поселении Тискино на Оби. Обязанностей у меня было немного: дров внести в дом из большой поленицы во дворе да воды натаскать. Бабушка водиться с племянником меня не привлекала, так что я большую часть времени был предоставлен сам себе. На целый день я уходил из дома и бродил по лугам вокруг деревни. Приходил только пообедать. Казалось что мне нужно: я был сыт, хорошо высыпался, от работы не уставал. Но сильно скучал. Потом нашел и что читать: у брата было много журналов, в том числе и детские. Чтение и рассматривание иллюстраций в журналах скрасило мою жизнь в деревне, Странно почему-то в деревне не было ребятни. Ребятишек вообще-то было много, но все они были намного младше меня и мне в друзья не годились. Брат Виктор дома почти не появлялся, уезжал в соседние деревни, заскочит домой на минутку, нашумит, насмеется сам и нас рассмешит, развеселит, наиграется с сыном и снова надолго исчезнет. Но прожили мы у Виктора с Марией недолго, только начались покосы и мы с бабушкой вернулись в Колпашево.

Бабушка.

Дарья Григорьевна Нестерова, моя бабушка, мать моей мамы родилась в городе Нарыме 26 (н.ст.) марта 1857 года. Когда мы в 1937 году после ареста отца приехали в город Колпашево в семью маминой сестры Александры Васильевны Волковой, здесь уже жила бабушка с принятыми ею на воспитание своими внуками-сиротами Виктором, Галиной и Александром, бабушке было в это время уже ровно 80 лет. Мне было 11 лет, когда я познакомился со своей бабушкой, но я бы ни за что не поверил, что ей уже столько лет. Она была предприимчива, бодра и деятельна. Как только она узнала, что Виктору, внуку своему нужна помощь, она не раздумывая поехала к нему, взяв меня с собой, так как у неё были нелады со зрением, ей сделали недавно операцию по поводу катаракты. Она практически одна вела все хозяйство в доме. А в доме было в это время немного-немало 12 душ от

2-х до 80 лет. В её собственной семье было когда-то 12 детей. И вот что удивительно: бабушка была неграмотна, но всех своих детей выучила и дала им по тому времени превосходное образование. Все сыновья окончили духовную семинарию, а дочери окончили Томское епархиальное училище и могли работать учителями

Бабушка обладала феноменальной памятью. Она помнила все родственные связи, даты дней рождения и даты других семейных событий не только близких, но и самых дальних родственников.

В последние годы её жизни я с ней был особенно близок. Мы с ней обосновались на кухне, я готовился к урокам, а бабушка вела неспешно и как мне казалось с большим удовольствием свои хозяйственные дела. В это время бабушка одновременно с работой, а я одновременно со своими занятиями вели нескончаемую беседу «за жизнь». Сколько же ею было высказано, а мною выслушано житейских историй, мыслей, рассуждений, мудростей. А бабушка несмотря на неграмотность была мудра не только в

оценки простых семейных ситуаций, но умело оценивала и сложные социальные и общественные, и даже политические явления и события. И она никогда не была в этом примитивна, как казалось бы должна она быть в силу своей неграмотности и необразованности. Слушать её было одно удовольствие и тут я несколько не кичился своей грамотностью, не рисовался перед бабушкой, поступал по-честному и бабушка это чувствовала. Она ко всему этому была умна. Но вот что ещё я вынес из этого многолетнего общения и жизни с бабушкой.

После замужества бабушка всю жизнь прожила с мужем и детьми, которые по своему образованию и стало быть по специальности всей семьёй были работниками церкви, служили Богу. Но в обычной жизни у бабушки не было истовой религиозности, по крайней мере я не замечал даже малейшего религиозного фанатизма. Она спокойно относилась и к самой Вере и к обрядовости и к церкви вообще.

Кажется, что без всякого с её стороны участия каждый день с утра, как только весь «народ» наш, вся семья расходилась на работу или в школу и мы оставались вдвоем с ней, но не надолго, вскоре наша кухня заполнялась в основном старушками, которые приходили на посиделки, вели неспешные разговоры, не было в этих разговорах лидера и мне кажется таковым никогда не была и бабушка, она особенно и не высказывалась, как это было со мной, больше она молчала, чистила свою картошку или жарила рыбу. Я думаю, что ещё раньше когда-то изначально этим людям, которые теперь бывали у неё практически каждый день бабушка уже высказала свою «философию», которую она возможно восприняла от Большаниных сделала своею и передавала её настолько основательно, что запоминалось и сохранялось в

памяти надолго у людей, а может быть и навсегда. Иногда, когда кто-либо из присутствующих высказывался о своих якобы видениях, снах, предчувствиях бабушка очень внимательно выслушивала, а потом деликатно и очень спокойно и уважительно расспрашивала этого человека, задавала вопросы и в ходе этих расспросов как-то все само собой разрешалось, не виделось никакого «чуда» в этом, все оказывалось обычным. Мягкий юмор и спокойная мудрая ирония снимали с разговоров и с затронутой темы святость и загадку. Может быть это-то и нравилось в бабушке людям и к ней охотно ходили и общались с ней. А я думал в это время: вот потому-то и служили Богу и Вере Большанины из рода в род, почитай четыре столетия, а может и больше. В начале семнадцатого столетия послали зыряне Большаниных в Тобольск и Томск, а что до этого? Откуда это пошло в Большанинском роду, может быть еще задолго до переселения угров-зырян из Сибири за Урал-камень?

Бабушка до конца дней своих сохраняла физическую силу и духовную стойкость. В тот трагический для нее день бабушка сама вытопила баню, а жила бабушка тогда в деревне Пономаревке, что на реке Чижапке, притоке Васюгана у дочери Александры, натаскала с речки воды и нагрела ее, прибралась как обычно в доме, согрела самовар, сходила в баню, пришла домой, напилась чаю, прилегла отдохнуть и... не проснулась.

Школа.

Школа для меня значила больше, чем просто место, где я выучился грамоте

и стал образованным человеком. Без перерыва, если не считать трех лет фронта, я провел в школе всю жизнь вначале учеником, а потом и учителем. Школа была для меня всем. Я думаю это было у меня от моих родителей и дедов. Все они были не просто грамотными людьми, но были проповедниками, учителями и преподавателями, как моя мама или как её брат Валентин Васильевич Большанин, или их отец Большанин Василий Федорович, или как мой прадед по матери Федор Ефимович Большанин. Горжусь тем, что он был священником Спасской церкви села Каргаска и как грамотный человек, имеющий высшее духовное образование имел собственную библиотеку, и способствовал созданию библиотеки при церкви, в которой служил священником. В то время у него было пятеро детей, все они учились в церковно-приходской школе, которую он сам и основал в Каргаске, и сам преподавал в ней с 1852 по 1859 год и, уезжая по переводу в село Тогур священником Воскресенской церкви оставил в Каргаске довольно богатую библиотеку. Документально это подтверждается, возможно сохранились в архивах Каргаска документы о передаче в районную библиотеку книг, принадлежащих когда-то Спасской церкви.

А так как «делом» по закрытию церкви в Каргаске занимались партийные органы, то возможно часть книг попали и в парткабинет Райкома партии.

Хорошо помню, что когда рассматривал, а иногда и брал почитать книги, кстате светского содержания дореволюционного издания, я спрашивал откуда такие «старинные» книги, мне отвечали, что это книги из церковной библиотеки. Я эти книги читал, не зная тогда о их происхождении и даже принимал участие в комиссии по списанию некоторых из них. Знать бы мне тогда, что держу в руках книги своего прадеда!

Учился я всегда с удовольствием. И даже, когда у меня не всё получалось я не винил в этом школу и учителя, не досадовал и не обвинял в этом учителя. И, когда в конце концов я добирался до истины, то радовался сам и радовался одновременно вместе с учителем, хотя он и знать не знал об этой радости. Так у меня получилось с арифметикой, когда я не мог осилить премудростей деления трехзначных чисел. Это было в третьем классе.

Во все годы моего ученичества, не припомню, когда меня бы испугали трудности усвоения учебного материала, всегда разбирался в трудном материале самостоятельно, или выручали книги, к которым обращался в таких случаях неизменно и постоянно. Что дополнительной литературой я пользовался, вспоминается такой вот факт моего ученичества. Виктор Федорович, наш учитель литературы в своей рецензии на мое сочинение на тему «Лишние люди в русской литературе» упрекнул меня в злоупотреблениях мыслями, взятыми из литературных произведений. Он написал примерно так: «создается впечатление, что в Вашем сочинении 7/8 мыслей не Ваши». Я тогда обиделся и сказал Виктору Федоровичу: «Почему именно 7/8, а не 1/2 или 4/5?»

Как-то так получалось, что учился я всегда хорошо, без всяких особых на то усилий. Обнаружилось это и для самого меня еще в первом классе. В какой-то момент мне сказали, что я должен прийти в клуб, бывшую церковь. Там собралось много учеников, что-то говорили и вдруг называют мою фамилию и имя, я поднимаюсь на сцену и мне вручают подарок: небольшого размера альбом для рисования и коробку цветных карандашей. Я этому подарку страшно удивился: «Откуда они узнали, что я люблю рисовать и что всегда хотел иметь именно вот такой альбом или что-то подобное для рисования!» Домой я не шел, а летел как на крыльях и радовался больше не тому, что меня наградили за отличную учебу, а почему-то альбому и цветным карандашам. Дома я никак не решался открыть альбом и начать рисовать в нем. А даже попросил старшего брата нарисовать что-нибудь на первой странице.

- Да что я тебе нарисую— говорил он - свинью что ли?

И смеялся.

- Да хоть свинью - просил со слезами я.

И брат нарисовал красивую свинью, как мне казалось. И, очинив цветные карандаши, стал раскрашивать рисунок.

- Какую тебе нарисовать свинью? Красную? – говорил брат и снова смеялся.

- Нарисуй всеми карандашами.

И не поймешь какого цвета была наша свинья. Мне нравилась. Я радовался.

А почему смеялся брат? Он был старше меня на три с половиной года.

Мне нравился альбом. Хотя бумага в нем была не белая, а какая-то голубая и листов в альбоме было немного, каждый лист был толстым как картон.

А карандаши? Таких карандашей я никогда не держал в руках и даже не подозревал, что такие существуют на белом свете. Всё в школе для учеников, для учителя было таким бедным, примитивным, что и представить трудно.

В первом классе мне, как и всем первоклассникам, выдали Букварь. Собственно это была книжка «про всё», несколько листочков самого букваря, потом несколько других листков арифметики, а потом ещё и тексты для чтения. И ни одной картинки. Но посмотрели бы на какой бумаге всё исполнено было. Бумага была не белая, а какого-то серого цвета и на вид такая непрочная, что сохранить все листы её до конца года будет невозможно. И такой книжке мы были безмерно рады. Не самую бумагу такой книги, а её фотографию вы можете рассмотреть. Как уже было сказано и писать мы учились грифелем на черной и плотной «бумаге» как картон. Позднее, наверное в четвертом-пятом классе мы впервые получили настоящие тетради с белой бумагой в «клеточку» и в «линейку». Нечего говорить, какие трудности выпали для школы во время войны, тогда мы были бы рады грифельным тетрадам. Никаких не было, писали между строк в журналах без картинок. Особенно страдали, когда кончались чернила и помню, что старшие ребята «изобретали» чернила в химкабинете, смешивая все, что могло оставить след на бумаге.

Школу закончить мне не удалось, так как уходил я на войну в 1944 году, когда нужно было сдавать экзамены на аттестат зрелости, Экзамены мы все-таки сдали, но в один вечер сдали все экзамены, а наутро уже уехали на фронт. Мама написала мне потом, что директор вызывал её в школу для вручения аттестата об окончании мною средней школы.

Но в школу я всё-таки вернулся, в ту самую, которую когда-то окончил, но уже не учеником, а учителем. Вот уж никогда бы не подумал, что стану учителем, ведь я мечтал стать художником. И, вернувшись с войны подумывал о поступлении 1 сентября учиться в институте, близким к моей мечте был только Архитектурно-строительный институт в Томске. Уезжать далеко от мамы я не решался. Мама по-прежнему не работала, не принимали на работу. Тайком подрабатывала шитьем фуфаяк и прочей одежды, но страшно боялась, что это может обнаружиться. Ей не давали земли для посадки картофеля. Особенно бедствовала она в последние дни войны и первые послевоенные годы. Когда в 1947 году я вернулся домой в доме не было, что называется и крошки хлеба. Ума не приложу как жила мама, не работая, не имея огорода. Младший брат работал в Сибпушнине, но даже на хлеб не зарабатывал, перебивался тоже кое-как. Оживал немного только когда начиналась навигация и он уходил в рейс с Федором Кузьмичом Решетниковым, цыганом, очень добрым человеком. Который подкармливал его, как мог, сам бедствуя с большой семьей. В первые дни после моего возвращения и устройства на работу, мы с мамой бедствовали первое время, моей зарплаты не хватало на всё. Выручил Павел Александрович Медведев, бывший в то время директором школы. Он раньше меня пришел с войны всего на несколько месяцев и с первого сентября 1946 года стал работать директором школы. Он «выписал» мне продуктов и два мешка картофеля на посадку и земли я получил целых семь соток. Я когда-то, ещё в пятом классе учился арифметике у Павла Александровича, а когда я стал работать с ним в одной школе, то крепко сдружился и когда он ушел на пенсию и уехал на жительство в Кемерово мы с ним до конца его дней переписывались.

Но вернёмся к тому времени, когда я пришел с войны. На второй или третий день я отправился в школу. Я знал по письмам, что большинства «наших» учителей в школе уже нет и тем более знакомых учеников. Встретил только Элю Волкову и Иду Бурмину, своих одноклассников, они работали учителями и собирались поступать учиться. Советовали и мне поступать в Пединститут. Но у меня были уже другие намерения, так я и сказал девочкам.

Из школы я отправился в РайОНО к своему «классному», Николаю Карповичу Жегарю. Он встретил меня даже больше, чем радостно и даже прослезился. А потом взял меня за ручку и повел в школу и никакие мои возражения не принял, когда я говорил ему, что только что был в школе. Дорогой он говорил о трудностях в районе с кадрами, учителей катастрофически не хватает. В школе он подошел к классной комнате, первой по коридору, приоткрыл дверь, а потом позвал меня и мы вошли в класс. «Дети, - сказал Николай Карпович, - вот вам новый учитель». Сказал и, не смотря на меня, вышел из класса и закрыл за собой дверь. Я бросился за

ним, но дверь снаружи крепко держали. В классе раздался, лёгкий смешок. Я посмотрел на класс, они все смотрели выжидающе на меня. «Ты кто?» - спросили они. Я был ещё в военной форме с голубыми погонами, как у летчиков. Я был десантником. Они сказали: - «Ты летчик?»

Я не знал что сказать. Прошла минута, другая. Тогда я рассказал им, кто я есть. Но не сказал, буду ли я их учителем, как представил меня зав. РайОНО.

В это время открылась дверь и в класс вошла целая толпа людей во главе с директором школы, завучем, заведующим РайОНО, учителями. Николай Карпович сказал, обращаясь к директору школы: «Пишите приказ по школе,

я по РайОНО всё оформлю. Ребята, вам нравится ВАШ новый учитель!?»

«Да!» - закричали в классе, мне кажется и учителя тоже, мне что-то говорили, жали мне руки, все радостно улыбались. Я все это время пытался открыть рот, хоть что-нибудь сказать: «Подождите! Какой же я учитель! Я сам еще ученик!» Но всё кончилось, все ушли и я остался наедине с учениками. Я им сказал: «Идите домой, а завтра на урок без опозданий». А сам побрел к завучу, Александре Афанасьевне Коротковой. Она сказала, что у первоклассников нет учителя с начала года и что половина из них не умеют еще читать и даже не знают букв. Занимались с первоклассниками кое-как учителя школы по очереди. В начале года, в «букварный период» занималась с ними учительница из параллельного 1-го класса, но она была такая старенькая, что её хватало только на свой класс. Так я стал учителем. Это было 3 марта 1947 года.

А что я собственно запаниковал: работают же девочки из нашего класса учителями, и мне все равно нужно до вступительных экзаменов в институт

как-то перебиться, где-то поработать. Когда я дома сказал, что был в школе и в РайОНО и мне предложили идти «в учителя», а мне страшно стало, и еще не поздно отказаться. Мама решительно одобрила «школьный» вариант.

И вот – я учитель. Какой уж там учитель, сам-то я умел читать-писать, а как научить малышей, если они и букв-то не знали.

Наверное «дед Каширин», как учитель, был более продвинутым, но главным образом более решительным, а меня страшило учительство, а вот ребяташек видимо не испугал учитель-солдат, они с надеждой смотрели на меня: «Ну что ж ты испугался, берись, мы тебя не подведём». Одним словом назавтра я уже шел в класс, убедив себя, что став учителем, я не изменил своей мечте, а только временно отошел от неё.

На первых уроках я знакомился с ребяташками и кое-как учил их читать. И как тут было не вспомнить «деда Каширина», первого учителя Максима Горького. А еще я вспоминал своего командира роты, он выводил нас из душевой казармы и посадив вокруг себя на лужайке говорил: «Что главное у солдата?». И сам же и отвечал: «Ноги». И учил нас наворачивать портянки. До сих пор ему благодарен. Вспомнил я и его методы проведения «уроков» и при всяком случае выводил своих учеников из класса на улицу. И сам учился. Тут же и понял как мало я знаю. Будь я учителем, думал я тогда, ввел бы уроки краеведения, особенно природоведческого

До сих пор помню своих первых учеников. На первой парте около учительского стола сидели братья Скулкины, близнецы, Паша и Витя. Они были совершенно разные, не походили друг на друга и Паша был на голову выше брата.

Тут же выяснилось, что близнецы в классе еще есть. Это Ирма и Федя Бальцеры, Тома и Нина Григорьевы, Лена и Катя Малышевы.

Эти Малышевы, быстро как-то вычислили, что я близорук, плохо вижу, и стали меняться местами за партой. А сидели они у окна в середине ряда. Не успеешь оглянуться, а они уже поменялись местами. Я говорю: «Лена, иди к доске!» и смотрю туда, где должна быть Лена. А там уже Катя. И обе смеются.

«Народ» оказался более чем скромный и хотя, как потом выяснилось, читали-то все, но по-разному оценивали свои успехи, и они, эти успехи, были не ахти какими. С чтением наладилось с первых же уроков, А вот с арифметикой было совсем плохо. «Переход через десяток» никак не давался ни детям и ни их учителю. Более или менее сносно было пока счет вёлся «по пальцам» в пределах десятка, но как только нужно было от 17 отнять 9 тут и пальцы ног не всем помогали. А вот уроки пения нам нравились. В ход пошли песни довоенных времен из тех, что я помнил и знал, «Дан приказ ему – на запад...», «По долинам и по взгорьям», «По военной дороге». Особенно нам нравилась «Песня о Щорсе», с неё мы начинали урок, ею и заканчивали. И конечно же пели военные песни: «В землянке», «Катюша». Певец-то я был неважный и за что мне пятерки ставила наша учительница по пению Ольга Александровна Никифорова в пятом классе. И почему мы сейчас с первоклашками в классе любили петь. Песни-то были совсем не детские? А еще мы любили прогулки. Выходили за поселок, поднимались на горку и смотрели вдаль, куда уходила наша великая Обь, весной она разливалась до горизонта. А что было там за горизонтом? И я рассказывал ребятам про путешественников и путешествия, про дальние страны, про людей, которые живут там. Ребяташки слушали и спрашивали. Вопросы их иногда были

такие, на которые я не мог ответить. Это была катастрофа. Я понял, что учитель из меня получается пока неважный. Я не знал например названий большинства растений и птиц, а какая прогулка в природу обойдется без вопросов об этом. С краеведением у меня было плохо. А тут и с работой вообще-то не очень ладилось. Учителей в школе не хватало. И мне предложили вести в 5-6 классах рисование. Видимо мирились с моим мягко говоря посредственным обучением первоклассников - другого варианта не было. А тут вдруг в самые последние дни учебного года в апреле месяце увольняется учительница ботаники и меня назначают заведующим пришкольным участком. Директор школы сказал при этом, что отказываться мне не резон, подработаешь немного, да и сил у тебя девать некуда. На счет сил-то он шибко преувеличил, жили мы с мамой впроголодь, даже картошки у мамы не было. 1947 год был голодным, хлебные карточки отменили, ничего не дав вместо них, хлеба в продаже не было, а если был, то по «базарным» ценам. Довольствия, которое мне выдали в военкомате, хватило нам ненадолго. С зарплатой, которую я получал, на базар не пойдёшь. Нужно было ждать весны и лета, тогда может выручить рыбалка. В те годы Обь была ещё рыбной рекой, а кое-какой рыболовецкий опыт у меня был. Так что жили с надеждой на сытую жизнь впереди. Нам здорово повезло и с «подкормкой» со стороны школы мы получили от школы землю и два мешка картошки на посадку и директор школы, Павел Александрович Медведев, «выписал» овощей и масла. Всё это с подсобного хозяйства школы, Мы с мамой «зажили». А тут и рыбалка пришла. С питанием более или менее наладилось, а вот с одеждой было неважно, гимнастерка доживала свой век, также и брюки. Шинель, обувь просили помощи. Мама что-то шила-перешивала, мои ученики тех лет ещё и сейчас помнят «те наряды», которые и тогда-то было стыдно носить, тем более учителю.

И тут произошло событие, которое надолго выбило меня из жизненной колеи. Как-то директор школы вызвал меня к себе в кабинет и поговорив со мной о моих семейных делах, предложил мне вступать в партию, разумеется в ВКП(б). Я был удивлен, я никак не ожидал получить такое предложение. Я сказал об этом Павлу Александровичу, сказал о том, что в комсомол вступил «не по доброй воле», а в связи с военными обстоятельствами на фронте и что перед этим, будучи учеником Каргасокской средней школы, не был принят в комсомол, так как считался сыном «врага народа». На что директор школы сказал примерно так: тебя в Каргаске хорошо знают, ты был хорошим учеником, председателем пионерской дружины школы, вел большую общественную работу, награжденным боевыми наградами вернулся с войны, хорошо уже успел зарекомендовать себя на работе в школе, мы дадим тебе хорошую рекомендацию. Подумай и о своей дальнейшей карьере, тебе как члену партии будут открыты все дороги. Подумай о своей матери. Что же касается твоего отца, так у нас в партии теперь говорят: сын за отца не

отвечает. Что ж, подумал я, ведь и на фронте примерно так говорил лейтенант Львутин, комсорг 2-го батальона 357 гвардейского парашютно-десантного полка, рекомендуя меня при вступлении в комсомол. И я подал заявление о вступлении в ВКП(б), но, видимо время было другое, и мне напомнили о том, кто я есть и без дальнейших разговоров отказали. Было обидно до слёз, но не столько потому, что не приняли в партию, сколько потому, что сам знал ведь, что не примут и все-таки поддался уговорам. Вскоре после этого меня вызвали в Райком партии, я шел по вызову и терялся в догадках: неужели решили разобраться со мной «по партийной линии». И точно разбирались, но уже по другому «делу». Как оказалось, две мои тётки, сёстры моей мамы, они тоже жили тогда в Каргаске, были инициаторами письма в Обком партии с просьбой разрешить группе верующих открыть в Каргаске «моленный дом», церковь - так мне сказали в Райкоме – и предложили мне воздействовать на моих родственниц, чтобы они отказались от своих подписей и от своих требований. Знали бы в Райкоме, что они разговаривают с правнуком бывшего священника Спасской церкви в Каргаске, Большанина Федора Ефимовича! Я отказался воздействовать на сестёр своей мамы. Мне потом это припомнят. Впереди был 1948 год. Что-то подобное году 1937-у.

Но вернемся в школу. Шли последние дни моей работы учителем 1-го класса. Нужно было мне решать со своей работой, вернее со своей судьбой. Будучи учеником 10-класса мы, его ученики, не один раз обсуждали с соклассниками кто кем будет, легче это было сказать девочкам, нам же, парням был только один путь – армия, война, это была весна 1944 года, до конца войны был еще целый год. Так что все разговоры на тему «кем быть» не имели конца. И вот теперь наступило время сказать «кем я буду». Мне было все ясно и определено: поступаю учиться в институт и буду художником или архитектором. Сразу после окончания войны вопрос о демобилизации для меня еще не стоял, я был еще юн, мне исполнилось тогда только 19 лет. Какая демобилизация, если у нас в роте служили еще сержанты, не говоря про офицеров, 1918-20 годов рождения. В те дни ни один раз мне предлагали поступать учиться в военное училище. У меня было законченное среднее образование, я был на войне, то есть у меня был военный опыт, говоря на гражданском языке: я был на практике по своей «специальности», я знал иностранный язык, все знали, что на фронте я исполнял должность переводчика, то есть каких-либо препятствий для поступления в училище у меня не было. Разве только зрение могло «подвести», но командир роты говорил: наденешь очки и будешь отличным политруком. Не знаю, знал ли командир роты про мою биографию. Она тоже могла стать препятствием для поступления в военно-политическое училище. Но тут неожиданно мне помогла «миопия» обеих глаз, что значит близорукость. Майор, начальник госпиталя, куда я пришел проводить комсомольское собрание, заметил мою близорукость, замерил её, она оказалась равной – 7 D ! и тут же отправил меня домой, сказав: «Слепых в армии не держим, поезжай домой и учись на

своего архитектора». Так что вопрос с военным училищем отпал сам собой и больше того был решен и вопрос вообще о моей военной службе. В январе 1947 года, я был демобилизован и на «прекрасном пятисот весёлом» поезде я из Ахтырки, что на Украине под Харьковом, уже «мчался» домой.

Поезд до Томска шел больше недели, в Томске я был у Виктора Федоровича Козурова, он работал в Пединституте, преподавал литературу. Встретился с соклассниками, с теми кто учился в Томске. Особенно рад был встрече с Машей Полесовщиковой, с которой переписывались все годы пока был на войне. И в классе мы с ней дружили. В середине января я отправился домой в Каргасок. Никакой пассажирский транспорт и тем более зимой в те годы не работал и мне удалось договориться с возчиками обоза из шести лошадей, который вёз в колхоз детали отремонтированных сельхозмашин и возчики согласились взять меня с собой. Весь путь практически пришлось проделать пешком. Сейчас автобус все это расстояние проделывает за день, а тогда мы были в пути долгих две недели. Лошади могли идти только шагом. Иногда останавливались на день – давали отдохнуть лошадям. Морозы тогда стояли крепчайшие, даже в день выхода термометр на постоялом дворе показал - 47 градусов. Но возчики торопились, их не пугал даже такой мороз! корм для лошадей кончался, да и самим возчикам приходилось перебиваться «с хлеба на квас». Такая оказия и меня устраивала, я готов был не есть и не спать, видит бог как я торопился, как хотел домой.

Наконец приходит день, когда я должен сказать ребятам, что ухожу от них, уезжаю учиться в институт в Томск. Видимо я поторопился сказать об этом ребятам, их реакция прямо ошеломила меня. Услышав моё заявление, ребята замерли, раскрыли рты и непонимающе смотрели на меня. Кто-то один при полнейшей тишине непослушными губами прошептал: «А мы?». И снова тишина, и снова все смотрят на меня. Они еще не могут понять, а что же будет с ними. Эти несколько секунд казались вечностью. И вдруг они поняли, что это беда, что они остаются одни, снова у них не будет учителя. А они так привыкли, они так гордились своим учителем, он был на войне, у него на гимнастерке военные награды. У девчонок по щекам потекли слёзы.

Братья Скулкины подняли головы и стали, не моргая, смотреть на потолок. Кто-то громко всхлипнул. Я смотрю на них и вижу, что все они плачут или сдерживаются, чтобы не заплакать. И у меня что-то запершило в горле. Мне стало жалко этих малышей и показалось, что я предаю их. Я махнул рукой сел на среднюю парту и сказал: «Помолчим, а потом споём». Скулкины вытерли слёзы и сели поближе ко мне. Все вздохнули, помолчали, «зализали раны», переглянулись, улыбнулись и посмотрели на меня.

А я запел: «Шёл отряд по берегу, шёл издалека,

Шёл под красным знаменем командир полка.

Голова обвязана, кровь на рукаве,

След кровавый тянется по сырой траве.

Эх! По сырой траве.

Потом мы еще посидели, помолчали и я сказал: «Ничего, ребята. Не вешать носа. Всё будет хорошо!»

Я всех до единого своих первоклассников перевел во второй и сказал кому и что нужно на каникулах сделать: кому побольше, читать, кому писать, кому задачи решать. На этом мы и распрощались. Отпуска у меня не было и я все лето работал в пионерском лагере. Отдыхал и радовался тому, что дома, что войны нет, что я живой и здоровый.

Дома с мамой мы поговорили как жить будем. Мама по-прежнему не работала. Младший брат осенью собирался уйти в армию. Мама останется одна, если я уеду учиться в Томск или другой город.

В школе мой разговор о моей учебе в институте был встречен резко отрицательно: школа слишком много теряла. А директор школы завел меня в кабинет и сказал: «Пересмотри своё решение уезжать в Томск. Поработай ещё хотя бы один-два года, приоденься, к тому времени брат вернётся из армии. Советую тебе учиться в пединституте и учиться заочно». Так впрочем я и поступил, стал учителем географии, поступил учиться в Пединститут на географический факультет, а спустя несколько лет, также заочно окончил биолого-химический факультет. И тоже Томского пединститута. Учиться, быть студентом мне нравилось. Я с удовольствием посещал все лекции, слушал и записывал их. Однажды на лекции по зоологии беспозвоночных я не только записал то, что говорил преподаватель, но и зарисовал рисунки, которые преподаватель делал на доске мелом в ходе лекции, срисовал я и рисунки с таблиц, которые развешивал к лекции лаборант. Мои старания заметил преподаватель, рассмотрел рисунки, похвалил и даже показал студентам. Кстати сказать и сам преподаватель неплохо рисовал. На «этой почве» мы с ним и сдружились, разницы в возрасте у нас почти не было. Потом он был у меня в гостях, в Каргаске. Он готовил тогда докторскую диссертацию и собирал материалы. Он был ихтиологом и защитил кандидатскую диссертацию по карасям. Я познакомил его с каргасокскими «карасниками» и они возили его в Чёрную согру по карасёвым местам. Это был Иван Кузьмич Мониц. Он «водился» с нами запросто. «Нами» - это я и Виктор Ничиперович. На всю группу нас и было двое мужчин, мы были самые старшие, оба фронтовики, Иван Кузьмич был тоже фронтовиком, а остальные студенты - девушки только что окончили школу. Заочное обучение было тогда в чести. Для многих только так и можно было получить

высшее образование. Иван Кузьмич сделался наши наставником и чем мог помогал нам. Он очень одобрительно относился к нашим стремлениям получить высшие знания по той программе, которую мы осваивали

Война. Армия. Игра в волейбол. Война и брусника. Колба. Брат Федя. 1943 год. Прощание. Запасной полк. Парашют. Война – фронт. Заграница.

После окончания 7 класса в 1941 году, мама отправила меня в Средний Васюган к брату Сергею. Он работал там на метеостанции, её начальником. И хотя сам он жил трудно, у него было трое детей, но меня принял хорошо, он понимал, что мама отправила меня на откорм, мы жили намного тяжелее. Я приехал в Средний Васюган на день – два раньше, чем туда привезли на барже сосланных прибалтийцев. Их привели на площадь рядом с метеостанцией. Теперь я думаю, что их решили разместить временно в школе. Она была рядом с метеостанцией. Мне понравились эти люди. Они вели себя независимо, достойно, не как сосланные. Они не казались вовсе людьми напуганными, ущербными, зависимыми, молодежь тут же стали играть с мячом. А через несколько дней здесь же на этой площади состоялся митинг, где объявили о начале войны с Германией.

Я через день уехал домой – Сережа отправлялся на войну. В школе в это время, всех ребят, начиная с седьмого класса, уже стали привлекать к работам под лозунгом «Всё для фронта. Всё для Победы». Мы собирали колбу, у нас она называлась черемша. Ходили пропалывать пшеницу и турнепс. А в июле наши два восьмых класса уехали в Мучь-Пар собирать бруснику. Вначале мы заехали в посёлок Малый Яр, не доезжая 2-х км до Мучь-Пара. Высадились там, паузок на котором мы приехали вернулся, как нам сказали, в Каргасок. Мы с грехом пополам переночевали, а утром стали ждать проводника, который должен был отвести нас на ягодники. Мы прождали его целый день, но он не явился. Голодные мы снова улеглись спать и снова ночь прошла в кошмарных снах. Мы успокаивали себя тем, что идет война и нужно быть стойким и мужественным. Но беда была в том, что ни сообщить кому-то, ни добраться до ближнего села, где возможно есть какая-то связь с Каргаском, мы не могли. Наутро мы провели короткое собрание с единственным вопросом: что делать. Решено было послать группу ребят, в Каргасок, а остальным оставаться на месте и не принимать никаких решений, до тех пор пока не будет получена надёжная помощь. В лес никому не ходить, пищу у кого есть, поделить поровну между всеми, кто остается.

Я не видел чего-либо особо опасного в этой ситуации, единственное, что тревожило, это всем хотелось есть. Мы сказали остающимся, чтобы они кипятили чай со смородиновым листом и не пили сырую воду и попытаться выпросить у местных жителей картошку и молока, а на берегу постоянно дежурить и как только покажется какой-либо катер подзывать его и объяснять сложившуюся ситуацию, но никому поодиночки не уезжать. Нас

парней согласившихся идти в Каргасок оказалось шестеро. Мы отдали остающимся еду, какая у нас была, из всех нас в этих местах когда-либо был только я один. Значит дорогу в Каргасок знал только я один. Я предложил идти по правому берегу Васюгана, дорога от Малого Яра была неважная, но не нужно было переплывать на левый берег Васюгана, чтобы зайти в Наунак в надежде сообщить о себе оттуда в Каргасок. За трое суток, что мы шли до Каргаска, мы покушали только один раз, насколько я помню это было в Щучьем Мысу. Бабушка накормила нас заквашенной колбой, с голоду мы уплели её однако с полведра и это спасло нас и остальную дорогу мы проделали шутя.

А потом, когда шли обычные занятия, чего только мы не делали в школе, кроме учебы. Работали в колхозе на покосе, в поле на уборке зерновых, копали картошку, убирали лён и турнепс, готовили дрова для школы, работали и на подсобном школьном участке, где выращивался для школьной столовой картофель, капуста, овощи.

И сама учеба давалась нам нелегко. Мужчины-учителя ушли на фронт, в школу пришли и люди случайные для педагогики. Не хватало учебников и учебных пособий. Зимой в классах было холодно. Не хватало керосина для освещения. И смешно сказать: не было даже обычных чернил.

В конце 1941 года ушел на войну мой старший брат Федя, а в 1942 году он погиб под Смоленском. В октябре 1943 года, мне было тогда 17 лет, меня призвали в армию. В какой-то из дней октября месяца мы с запасом еды на три дня собрались в ограде военкомата и ждали пароход, чтобы ехать в город Новосибирск по призыву в армию, но пароход в тот день до Каргаска не дошел, не пришел он и на следующий день. Военком подозвал меня к себе и сказал: «Иди в школу. Считай, что тебе повезло, кончай десятый класс». И я учился до апреля 1944 года, а в апреле 1944 года я уже служил в 34 запасном полку в городе Красноярске. Научился прыгать на парашюте вначале с парашютной вышки, затем с воздушного шара и после уже с самолета и отправился на фронт парашютистом-десантником. В это время война шла уже за границей для нашей дивизии на территории Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Незабываемыми днями были дни, когда мы перешли границу Чехословакии и нас встречали как освободителей чехи и словаки. Потом уже после демобилизации несколько лет я переписывался с учителями из чешских школ. А в 1956 году после известных событий переписка прекратилась. О чем до сих пор жалею.

Воевать мне довелось за пределами нашей Родины и первые бои начались для нашей части в Венгрии. Здесь я и увидел что есть такое настоящая война. На мое счастье совсем как в песне меня «встретила славная фронтовая семья» и мы прошли дорогами войны через всю Венгрию, Австрию, Чехословакию и Победу встретили на подступах к Берлину. Война не бывает лёгкой и мы воевали поменьше года, но за это время мы потеряли большинство наших товарищей, из двухсот бойцов и командиров остались в

живых и не были ранены только 57 человек. После взятия Вены, столицы Австрии, уже в горах Альпах, был смертельно ранен наш командир роты. Погибли и другие офицеры из нашей роты. Боевую дружбу мы сохранили на всю жизнь. Теперь уже и внуки наши стали взрослыми, а война не забывается. Мы с Сашей Сухановым были в разведке несколько раз и его однажды ранило в ногу и я перевязал его и вынес (выволок) из-под обстрела. Разве такое забудется. В день 60-летия со дня Победы мне написал об этом сын Саши Володя. Напомнил.

Я, став учителем географии, при изучении географии стран, где мне пришлось воевать, рассказывал про город Вену, которую пришлось брать штурмом или Будапешт, Братиславу, Прагу, рассказываю про горы Альпы, где и летом снег не тает, про реки Дунай и Тису, которые пришлось форсировать, про Черное море, в котором попил воды, чтобы убедиться, что вода в нём солёная и хотя была зима, не искупался, нет, а забрел в воду «по колена», чтобы сказать потом: «зима, а вода не замерзает». Тут уж не поймёшь, где война, где школа.

Последние полгода перед демобилизацией я служил в отдельном экспериментальном батальоне на Украине, в Ахтырке. Ахтырку я помнил ещё по школе. В Ахтырке служил кто-то из братьев Бестужевых-декабристов. Военный городок с тех времен и до сих пор сохранился. Но не об этом речь. Здесь меня возвысили до секретаря батальонного комитета комсомола. Не пойму за какие заслуги. Возможно не очень оперативно сработала информация о моей биографии, а если всё-таки знали в части, что и отец мой до сих пор репрессирован, и что меня два года назад посчитали неудобным для комсомола и не приняли в члены ВЛКСМ, то почему же теперь всё изменилось, и я уже не отношусь к «врагам народа» и меня уже не просто можно считать членом ВЛКСМ, но даже можно мне доверить офицерскую политическую должность секретаря комитета комсомола? Так было, из песни слова не Но как оказалось потом ничто не было забыто. И мне об этом напомнили в «нужное время и в нужном месте». И не один раз.

Работа, увлечения. Учитель вместо архитектора. География и биология. Экология. Фенология на всю жизнь. В театре Погорелова и в кукольном театре. Станция юных техников.

Я уже рассказывал как попал в школу и стал работать учителем, и почему не поехал учиться на архитектора. А в школе события развивались так. После окончания первого моего учебного года, я распустил учеников по домам, а так как отпуск мне не положен был, я ведь начал работать только с марта месяца, то меня определили старшим пионервожатым в летний пионерский лагерь и там я проработал всё лето до 1-го сентября. И мои ученики теперь уже второклассники явились все как один на первый урок и началось для меня новое испытание на звание учителя. Но теперь у меня был уже некоторый опыт, я чувствовал себя в классе уверенней, что-то пришло ко мне само собой, чему-то я научился, глядя на других опытных педагогов. Не могу сказать точно, но мне кажется, что за лето я перечитал **всю** педагогическую литературу, какую нашел в школьной и районной библиотеках. Кроме второго класса вернулись ко мне и прежние нагрузки: уроки рисования в 5-6 классах, уроки в вечерней школе для «комсостава», так мы называли учеников из работников учреждений, не имеющих образования. Некоторые из них, занимая высокие должности, грамоты почти не имели. Вспоминаю такой курьёзный случай из практики работы в вечерней школы. Я вёл там ботанику и географию. На одном из уроков ботаники я рассказывал о фотосинтезе, об образовании органического вещества, о роли хлорофилла - зеленого вещества в листьях растений, где и образуется органическое вещество, а из листьев органическое вещество перетекает в «хранилище»: у картофеля в клубень, у кедра – в орешки, у земляники – в ягоды. И тут вдруг выступает один из «учеников» (не знаю как и назвать их, этих 50 – 60-летних взрослых людей, каждый из которых годился мне не столько в отцы, сколько в деды) и говорит: «Ты что-то, Валя (они никак не умели назвать меня по имени-отчеству, уж больно юн, по их понятиям для учителя я был) ты что-то напутал, какой хлорофилл, какие листья? Всё из земли, Валя. Ты там скажи своим профессорам, пусть они как следует сами разберутся. А мы тебе по нашему опыту скажем так: всё на земле растёт и всё из земли и берёт, тот же картофель. Вот я на огороде своём ботву у картошки литовкой скошу, заметь-ка: ботву вместе с листьями и как только картошка напитается крахмалом: из земли, так я её и выкапываю. Всё из земли, Валя». Вот так в одночасье из учителя я превращался в ученика. Я понимал, чтобы стать настоящим учителем надо учиться. Никогда я не читал столько, как в эти первые годы своего учительства и самое большее, что я сделал – это поступил учиться в Педагогический институт, на заочное отделение. Моё решение с учёбой в институте обернулось для меня не совсем желательной стороной: меня стали догружать «часами» со всех сторон, что называется. Уехала учительница биологии и её заведование пришкольным участком

передали мне, увеличились часы у учителя математики, его «лишние» часы астрономии и черчения вручили мне: ты же ведешь рисование, кому же как не тебе вести и черчение. Видя моё усердие, с моей перегрузкой мало считались. А мне и в самом деле нравилось работать, я готов был горы свернуть, я был молод, я радовался жизни, радовался тому, что вернулся с войны, может быть это была и запоздалая реабилитация себя после «врага народа».

А вообще-то с «часами» нужно было что-то делать, их накопилось уже больше двух «норм». Особенно трудно мне давался пришкольный участок, он вместе с полем за пределами поселка составлял больше трех гектар земли. Сажали много картошки, капусты и помидоров для школьной столовой, а также цветов. Это хозяйство отнимало много времени и сил. Впоследствии оно превратилось едва ли не в основное занятие всей школы. Школа взялась за озеленение усадьбы школы и ближних к школе улиц и переулков и усадеб учреждений. В это время школа уже имела небольшую теплицу на 120 квадратных метров площади круглогодичного действия и 20 десятирамных теплых парников с биообогревом. Здесь выращивали рассаду помидоров, капусты и цветов.

Работы у меня с каждым годом всё более прибавлялось, к тому, что уже было вдруг прибавилось такое, когда я вынужден был сказать – хватит: меня назначили директором во вновь организуемую Станцию юных техников.

Пришлось расстаться со своими малышами. А вот некоторые уроки и пришкольный участок с теплицей, парниками и озеленением посёлка ещё некоторое время оставалось за мной. Но не только служебные обстоятельства расширяли мою рабочую нагрузку мне и самому приходилось брать на себя некоторые учебные обязательства. Так ещё в начале своего учительствования я стал заниматься фенологическими наблюдениями, которые со временем стали полупрофессиональными. Я освоил научные методы наблюдений под руководством сотрудников Института географии, создал по их совету и помощи географический стационар в окрестностях Томска, где несколько лет проводились фенологические исследования. Как итог этих наблюдений вышли из печати в двух изданиях научно-популярная работа «Неделя за неделей» - Календарь природы города Томска. За эти исследования я был награждён Грамотой Русского географического общества. Тогда же я создал в школе географический кружок. Возможно именно деятельность этого кружка повлияла на оценку моей педагогической деятельности вообще и мне было присвоено звание Заслуженного учителя школы РСФСР.

Надо сказать, что все годы учительства я занимался общественной работой, выступал в печати, газетах, журналах, радио, ТВ. Написал несколько учебников и учебных пособий.

В раннее время выступал на сцене, принимал участие в художественной самодеятельности в «театре», которым руководил Дмитрий Григорьевич Погорелов. Я и был «артистом» этого самодеятельного театра. Исполнил несколько ролей в пьесах русских и советских драматургов, а потом так и остался в этом театре на несколько лет, а театр между тем «дослужился» до звания «народного». Театр в поселке любили, некоторые спектакли приходилось повторять несколько раз, зал не вмещал всех желающих. Театр непрерывно развивался: появились «цеха»: актерский, музыкальный с оркестром, под него сделали оркестровую «яму», ставили музыкальные пьесы, был цех костюмерный, цех декораций, гримёрный цех. Окунувшись в мир драматургии, театра, актёров, сцены, я и в школе сделал кукольный театр и несколько лет им занимался. Да и преподаванию в школе, признаться надо, актерское мастерство, которому обучал нас режиссер Дима Погорелов, здорово меня выручало. Даже у своих коллег по школе получил дружеское прозвище «артист».

Казалось всё шло хорошо по службе, общественной работе, по семейным делам. Но иногда меня «ставили на место», вспоминали вдруг, казалось бы уже ушедшее «в лету», прошлое. В один из последних лет «жизни» КПСС мою жену, члена КПСС избрали делегатом на областную партийную конференцию, но в последний момент перед голосованием вдруг сняли её кандидатуру, мотивировав это тем, что её муж был «врагом народа». Так и сказали вслух, громко и принародно. Не стоило бы ворошить сие прошлое и теперь уже забываемое, если бы не некоторые мои наблюдения. Как крути-не-верти, а печать бывшего «врага» ещё живет в памяти бывших моих знакомых, сослуживцев и тех, даже, кто волею судьбы занимал высокие должности и сейчас возможно негативно смотрит на мою биографию. Не дай бог, конечно.